

В.Б. Конасов
В.М. Подольский
А.В. Терещук

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Немецкие
военнопленные
в СССР

В.В. Конасов, В.М. Подольский, А.В. Терещук

Неизвестные страницы истории

Немецкие военнопленные в СССР

МП "Рарог"
Москва — 1992

63.3(2) 722

К64

+ кр.

Конасов В. Б., Подольский В. М., Терещук А. В.

Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. М.: МИ «Рарог», 1991. 60с.

ISBN 5-87372-003-7

Книга о судьбе немецких военнопленных в СССР во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-87372-003-7

© МИ «Рарог», 1992

Введение

История пленя восходит к глубокой древности, как и сама история войн. В условиях рабовладельческого строя участь военно-пленных была, как правило, однозначна — их превращали в рабов. Однако попавших в плен далеко не всегда ожидала бессрочная неволя. Когда число военнопленных оказывалось слишком большим и они, обременяя победителей, затрудняли движение войска, их просто уничтожали.

С течением времени пленных стали обменивать и выкупать. Особенно широко такая практика распространялась в XVII столетии, причем в некоторых случаях, как, допустим, в период Семилетней войны, военнопленными обменивались даже в период боевых действий [1]. В ходе многочисленных войн, через которые прошло человечество, были выработаны определенные правила обмена и выкупа, которые, впрочем, всецело зависели от особенностей эпохи, от возможностей и намерений воевавших сторон, от множества иных факторов. Главное же заключается в том, что на протяжении тысячелетий положение попавших в плен было абсолютно бесправным; они даже символически не были защищены от произвола победителей, которые могли решать судьбу несчастных пленников так, как им заблагорассудится.

Впрочем, чтобы не погрешить против истины, упомянем о фактах истинно рыцарского отношения победителей к попавшему в плен неприятелю. Характерны в этом отношении некоторые поступки Петра I в период Северной войны. Когда после 12-часового штурма Нотебурга, стоившего русским немалой крови, осажденные шведы, наконец, сдались, Петр позволил им покинуть крепость на весьма почетных условиях: со знаменами, вооружением и имуществом. И впоследствии русский самодержец нередко демонстрировал удивительное великодушие по отношению к военнопленным, как, к примеру, после Полтавской битвы. Однако подобные факты следует рассматривать как исключение. Обычная, широко распространенная практика была гораздо более прозаичной.

По мере того, как орудия войны становились все более совершенными, с неуклонным увеличением масштабов происходивших войн росло и число военнопленных. Если в средние века в плен по-

падали сотни, тысячи, крайне редко -- десятки тысяч человек, то в XIX веке, а тем более в XX, счет пошел уже на сотни тысяч и даже миллионы несчастных, от которых отвернулась военная судьба. Так во время Франко-прусской войны 1870 - 1871 гг. пруссаки взяли в плен около 400 тыс. французов. В первую мировую войну число русских пленных составило более 2,5 млн. человек; Германия потеряла пленными около 1 млн. и т. д.

Заметное увеличение масштабов войн и одновременно развитие цивилизации настоятельно требовали прекращения произвола в отношении военнопленных, обязывали человечество задуматься о необходимости четкого определения правового статуса плененных военнослужащих. В 1864 г. пленные были впервые взяты под защиту международного права, причем сделано это было в контексте обширных изменений, касавшихся законов и обычаев войны, призванных устранить наиболее бесчеловечные способы и средства достижения победы над военным противником. Именно тогда, в середине XIX века, были подписаны такие важные международные документы, как Парижская декларация о морской войне /1856 г./, Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль /1868 г./ и т. д. [2].

Женевская конвенция 1864 г. подписанная десятью государствами, распространялась лишь на раненых и больных военнопленных, однако вскоре были приняты новые правовые акты, обеспечивавшие защиту уже всех военнослужащих и приравненных к ним, оказавшихся во власти неприятеля. Имеются в виду документы Гаагских конференций мира, известные в международном праве как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Примечательно, что на рубеже XIX- XX столетий был, наконец, точно определен состав комбатантов, т. е. участников боевых действий, которые имели право на статус военнопленных. К комбатантам были отнесены лица, принадлежащие к кадровому составу вооруженных сил, участники различных ополчений, добровольческих формирований, личный состав организованных движений сопротивления и даже гражданское население, участвовавшее в вооруженной борьбе с войсками неприятеля. В этой связи уместно обратить внимание на некорректность и, как следствие, несостоятельность позиции гитлеровского командования в отношении партизанского движения на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Не признавая советских партизан комбатантами, нацисты оправдывали любые, самые жестокие действия по отношению к ним. Естественно, что ни о каких законах и обычаях войны не было и речи.

В 1929 г. была принята Женевская конвенция об обращении с военнопленными, которая спустя двадцать лет опять-таки в Женеве была уточнена, пересмотрена и с учетом дополнительных протоколов, утвержденных в 1977 г., действует и в настоящее время. Интересно, что конвенция об обращении с военнопленными 1929 г. упоминается в отечественных изданиях крайне редко. Трехтомный

«Дипломатический словарь» /М., 1984/, содержащий краткую информацию обо всех сколько-нибудь значительных международных конференциях, Женевскую дипломатическую конференцию 1929 г. и тем более принятые ею документы даже не упоминает. Причина такой «странной» забывчивости более, чем очевидна — СССР не принял участия в этой конференции и соответственно не подписал конвенцию об обращении с военнопленными. А между тем лишь десятилетие отделяло человечество, пожалуй, от самого драматического периода в его истории — второй мировой войны. Война эта оказалась беспрецедентной по своим масштабам. В нее было вовлечено 61 государство с населением 1 млрд. 700 млн. чел. Среди жертв войны — более 50 млн. погибших и умерших, 90 млн. раненых, причем почти треть из них осталась инвалидами. Глобальность произошедшей полвека назад катастрофы подтверждается и ни с чем не сравнимым количеством военнопленных — 35 млн. человек! Эта цифра, признанная многими специалистами, включает в себя как минимум полмиллиона польских военнослужащих, плененных в 1939 г., приблизительно миллион французов, попавших в германский плен в результате так называемой «шестинедельной войны» 1940 г., 2,3 млн. немецких военнопленных, захваченных Красной Армией в 1941—1945 гг., 5,7 млн. советских военнопленных. Последняя цифра не является общепризнанной — в последнее время появляются и другие количественные показатели, например, 3,5 млн./эти данные обнародовало Министерство обороны СССР в связи с 50-летием начала Великой Отечественной войны/. У нас есть некоторые основания предположить, что цифра эта не в полной мере отражает масштабы совершившейся в те годы трагедии, как и в ситуации с подсчетом безвозвратных людских потерь, по всей видимости абсолютизируется количество персонально учтенных военнослужащих Красной Армии, попавших в плен в результате боевых действий. Однако ввиду целого ряда объективных причин данные такого рода не могут быть исчерпывающими.

Как ни велик соблазн оперирования суммарными количественными показателями, как ни «зavorаживают» цифры со многими нулями, нельзя забывать, что плен — это всегда трагедия отдельной личности, конкретного живого человека, линия судьбы которого на известном отрезке оказалась окрашенной в черный цвет. Ткань истории может быть соткана лишь из отдельных нитей, каждая из которых — человеческая жизнь. Вот одна из них: Михаил Павлович Никитин, 1918 г. рождения, военфельдшер 628-го батальона связи, пленен немцами 23 сентября 1941 г. За неповиновение, грубое нарушение режима и утайку продовольственного пайка наказывался лагерным начальством 20 сутками ареста и 30 ударами палкой. Убит при попытке к бегству 29 июня 1943 г. [3]. Прошло почти полвека, прежде, чем трофейные документы поведали нам о судьбе этого человека. А сколько еще неизвестных судеб таит в себе история плена?

Известны примеры, заставляющие задуматься о превратностях судьбы военнопленных, о том, что трагедия плена могла, к несчастью, обернуться еще более жуткой трагедией. Характерна в этом отношении судьба красноармейцев, оказавшихся в финском плену в ходе 105-дневной так называемой «зимней войны» 1939–1940 г. О количестве и участии плененных тогда военнослужащих известно очень мало. По имеющимся косвенным данным, не претендующим на исчерпывающую полноту и абсолютную достоверность, после окончания войны в ходе обмена военнопленными Финляндия передала СССР несколько тысяч пленных красноармейцев. По одной из версий многие из них, освободившись из одного заключения, сразу оказались в новом, уже на Родине, и навсегда сгинули в Южском лагере Ивановской области.

Вопросы, связанные с судьбой военнопленных, могут надолго стать предметом внешнеполитических дебатов и идеологического противостояния. В апреле 1943 г. немцы объявили, что в Катынском лесу, неподалеку от Смоленска, ими обнаружено массовое захоронение польских офицеров. Вслед за этим последовало создание комиссии с участием Международного Красного Креста и представителей Польши. Результатом ее работы стало следующее заключение: военнопленные польские офицеры расстреляны органами НКВД в апреле 1940 г. Это заявление СССР расценил как нацистскую провокацию. После освобождения Смоленска на место трагедии выехала Чрезвычайная Государственная Комиссия во главе с академиком Н. Н. Бурденко. Она пришла к прямо противоположному выводу: польские офицеры уничтожены гитлеровцами после захвата Смоленска в 1941 г. Путь к установлению истины растянулся на десятилетия. Вопрос об ответственности за совершенное злодеяние не раз становился предметом острой полемики советских, польских, немецких историков. В апреле 1990 г. в заявлении ТАСС было сказано, что гибель 15 тыс. польских офицеров преступление НКВД, однако не все с этим согласились. Так, к примеру, «Военно-исторический журнал» продолжает отстаивать версию о причастности Германии к этому расстрелу. Судя по всему дискуссию вокруг этой проблемы завершать пока преждевременно.

Плен есть плен. Был он таковым и для военнослужащих фашистской Германии, плененных Красной Армией. Но как не вспомнить, что многим солдатам и офицерам вермахта русский плен принес избавление от неминуемой гибели. В 1943 г. обер-лейтенант Ганс Губер писал на родину из лагеря в Елабуге: «Мы тащились голодные, как волки, раненые, с обмороженными конечностями, подыхая от полного истощения... 31 января взяты в плен. Трехразовая горячая еда, 600 г хлеба в день показались чудом. В лагере госпиталь с превосходным персоналом. Многим спасли здоровье и жизнь» [4].

Как это ни парадоксально, на первый взгляд, но у некоторых бывших солдат и офицеров рейха именно в плену возникли добрые

чувства к советским людям. На восстановлении одного из заводов на Украине трудился военнопленный Ганс-Дитер Валай. По прошествии многих лет он писал: «В год 40-летия великой победы над гитлеровским фашизмом мне хочется сказать рабочим этого города и завода сердечное спасибо... Мои русские и украинские друзья были верные, честные и веселые люди» [5].

Впрочем, можно найти свидетельства и иного свойства. Так или иначе тема «Немецкие военнопленные в СССР» требует к себе самого пристального внимания.

Анализ состоявшихся на сегодняшний день публикаций позволяет утверждать, что в советской исторической науке проблема немецких военнопленных практически не разработана. Можно упомянуть лишь о статьях военного юриста В. Н. Галицкого [6]. Однако и они, отличаясь бесспорной новизной, не обращены напрямую к интересующей нас теме. Кроме того, некоторые соображения и выводы автора, например, о неуклонном соблюдении СССР норм международного права по отношению к пленным, вызывают серьезные возражения.

Более впечатляющих результатов добились за минувшее время историки Германии. В 1974 г. был подготовлен сборник документов «К истории немецких военнопленных второй мировой войны», семь томов которого рассказывают о жизни солдат и офицеров вермахта на советской земле [7]. Впрочем, несколько лет подряд воспользоваться названным трудом в ФРГ мог только ограниченный круг лиц. Тем не менее, начиная с 80-х гг., вышло несколько монографий по самым различным аспектам рассматриваемой проблемы. В частности, М. Ланг в ходе своего исследования пришел к выводу, что привлечение многих немецких военнопленных к уголовной ответственности в 1949–1950 гг., было неправомерным [8]. К. Х. Фризер, в свою очередь, высказал отличную от советской историографии точку зрения на возникновение Национального комитета «Свободная Германия» и его задачи, на антифашистское движение среди немецких солдат и офицеров в лагерях Советского Союза [9]. Можно не соглашаться с той или иной позицией зарубежных коллег, но нельзя не признать – они подняли значительный пласт фактологического материала, накопили солидный методологический фундамент в изучении проблемы в целом. К глубокому сожалению, немногочисленная критика трудов германских историков носила у нас неконструктивный характер. Не предпринималось попытка отделить зерна от плевел, не приводилось, как правило, ни одного конкретного факта, ни одной цифры из рецензируемых источников [10]. На этом фоне в лучшую сторону отличалась монография известного советского историка А. С. Бланка «Немецкие военнопленные в СССР», изданная за рубежом в 1979 г. [11]. Не случайно некоторые депутаты Бундестага даже требовали запретить распространение в ФРГ «просоветского сочинения» бывшего переводчика и офицера НКВД. Приходится только сожалеть, что в русско-язычном

варианте, а тем более в Советском Союзе, книга так и не была опубликована. К счастью, ситуация изменилась к лучшему. Стало доступными некоторые материалы ранее закрытых фондов государственных и ведомственных архивов. Именно они и послужили прежде всего основой для написания предлагаемой вниманию читателя книги.

О международных конвенциях и человеческих судьбах

27 июля 1929 г. на Международной дипломатической конференции в Женеве были приняты два важных документа — конвенция об обращении с военнопленными и конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Полномочные представители почти сорока государств поставили свою подпись под названными соглашениями. Однако от Советского Союза на этом форуме никто не присутствовал. Нарком по иностранным делам Г. В. Чicherin находился в те дни на лечении в Германии, а исполняющий обязанности наркома М. М. Литвинов покинул Женеву еще в середине мая. В итоге оба международных соглашения были приняты без участия СССР. Однако недоумевающей мировой общественности требовалось как-то объяснить предпринятый демарш. После нескольких месяцев молчания Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР сделал заявление, продиктованное позицией советского руководства. Некоторые положения Женевской конвенции о военнопленных представляются советской стороне не вполне удовлетворительными: низкая оплата труда, нерегламентированный рабочий день, отсутствие выходных и т. п. Учитывая все это, Советский Союз будет устанавливать режим плена согласно своего внутреннего законодательства [12].

Демагогический и лицемерный характер сделанного заявления не оставляет сомнений. Тому же И. В. Сталину, например, из сводок НКВД было хорошо известно, что по состоянию на 1 января 1930 г. в лагерях ГУЛАГа находилось 179 тыс. советских граждан, которые вопреки всякому законодательству без выходных, с утра и до позднего вечера нещадно эксплуатировались на «ударных стройках социализма» и здесь же умирали от непосильного труда и недоедания [13]. Нет, думается, мотивы, заставившие правительство проигнорировать конвенцию, крылись в ином. Уже шел процесс формирования военной доктрины, исходившей из абсолютного приоритета наступательной стратегии над оборонительной. Эта, оставившая о себе недобрую память, военная доктрина сложилась окончательно к концу 30-х гг. и предусматривала ведение боевых действий на территории противника с малыми потерями и **крайне незначительным количеством военнопленных с советской стороны.**

Была, по-видимому, и еще одна причина. Конвенция предсматривала возможность любому государству через Международный Красный Крест оказывать гуманитарную помощь своим военнослужащим, оказавшимся во власти противника. Сама мысль об этом, казалась И. В. Сталину кощунственной, ибо в его понимании факт нахождения красноармейца в плену — это уже предательство. Ну, а как поступать с предателями «отец народов» хорошо усвоил еще со времен гражданской войны. Согласно постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны от 1 августа 1919 г. семьи красноармейцев, перешедших на сторону белых, лишались всех видов пособий и земельного надела и обрекались, таким образом, на голодную смерть [14]. Не случайно в советском законодательстве по отношению к пленным наметился явно обвинительный уклон. Статья 22-я «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. по сути дела приравняла сдачу в плен к добровольному переходу на сторону противника и влекла за собой расстрел с конфискацией имущества [15]. Еще более определенно выразил свое отношение к пленным И. В. Сталин в известном приказе № 270 от 16 августа 1941 г. Если «...часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен... уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиров и политработников «...сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертирам» [16]. Страшно подумать, сколько миллионов советских граждан было обречено на незаслуженные страдания одним только росчерком пера. Даже Адольф Гитлер, как видно позаимствовавший на завершающем этапе войны идею названного приказа у И. В. Сталина, сделал исключение для своих раненых солдат. А именно: «...всякий, кто не имея ранения попадет в плен к русским, приговаривается к смертной казни заочно, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь» [17]. Справедливости ради отметим, что часть вызволенных из фашистской неволи военнослужащих Красной Армии, пройдя проверку в фильтрационных лагерях, получала возможность вернуться на фронт, правда, главным образом в штрафные части. Однако куда больше было осуждено, отправлено в места спецпоселений на лесозаготовки, предприятия угольной промышленности и черной металлургии.

Отказом Советского правительства подписать Женевскую конвенцию о военнопленных не преминуло воспользоваться фашистское руководство. Военнослужащим вермахта внушалось, что русские не могут претендовать на соблюдение международных норм права со стороны Германии, а поэтому все нарушившие их немецкие солдаты и офицеры будут прощены. На вооружение брались и иные уязвимые позиции внешней политики СССР. Советы не захотели признать ратифицированную в 1907 г. Россией

Гаагскую конвенцию «О законах и обычаях сухопутной войны»? Тем хуже для них. На Нюрнбергском процессе были оглашены показания начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера: «До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к верховному командованию... На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не-те, что против Запада... Так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции... Затем он сказал, что, так называемых, комиссаров не следует рассматривать как военнопленных» [18].

Вскоре преступные установки Гитлера начали воплощаться в жизнь. За день до начала войны вышел приказ: «С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо просто приканчивать на месте» [19]. В июле 1941 г. последовал приказ гестапо, санкционировавший убийство русских военнопленных, представляющих опасность для национал-социализма. Причем, круг таких опасных лиц был предельно широк. В него входили: «все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства, руководящие деятели промышленности и хозяйства, советско-русские интеллигенты» и т. д. [20]. В советской печати появились первые сообщения ТАСС о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории. 17 июля 1941 г. Нарком иностранных дел В. М. Молотов специальной нотой через посольство и Красный Крест Швейцарии довел до сведения Германии и ее союзников согласие СССР соблюдать требования Гаагской и Женевской конвенции о военнопленных [21]. Однако фашистское руководство предпочло оставить ноту без внимания. Единственным, пожалуй, кто рискнул навлечь на себя гнев фюрера, был начальник абвера адмирал Фридрих Вильгельм Канарис. В своем докладе от 15 сентября 1941 г. он отметил исключительный произвол, допускаемый в отношении советских военнопленных. Указав на случаи массовых убийств русских, Канарис подчеркнул необходимость решительного устранения царящего беззакония. Тщетно, подавляющее большинство генералитета оставалось сторонниками жесткого курса. Бывший начальник штаба верховного главнокомандования вермахта Вильгельм Кейтель, например, лукавил в зале Нюрнбергского суда когда заявил, что в связи с нотами Наркома иностранных дел В. М. Молотова просил фюрера пересмотреть положение русских военнопленных. На подлиннике упомянутого доклада адмирала Канариса имелась его собственноручная резолюция: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель» [22].

Советская печать, помещая материалы о зверствах, чинимых гитлеровцами над пленными красноармейцами и командирами,

не ограничивалась констатацией фактов. В создание советских людей настойчиво внедрялась мысль о том, что воину Красной Армии в любом случае лучше погибнуть, чем оказаться в плену и принять на себя ужасы фашистской неволи. Исходя из собственного мироощущения, оправдывали отказ советского руководства подписать Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными командиры и политработники. Характерен в этом отношении диалог, приведенный на страницах книги Александра Верта «Россия в войне». Ее автор в годы битвы с фашизмом корреспондент английской газеты «Санди Тайме», задал полковнику Красной Армии вопрос: «Не лучше ли было СССР подписать Женевскую конвенцию и тем самым облегчить участь советских военнопленных?» На что последний ответил: «Я не очень в этом уверен... Можно ли ожидать от заключения с немцами конвенции о военнопленных чего-нибудь хорошего. Наши войска приняли муки ада и еще не раз побывают в аду, прежде чем мы разделяемся с этой войной. А в таком аду готов признать это — мысль о том, что стоит только сдаться немцам в плен, как вам будет обеспечена мягкая постель и завтрак — все то, чем пользуются английские пленные, — такая мысль может вредно отразиться на политико-моральном состоянии армии. Не каждый наш солдат герой. Так пусть уж лучше он погибнет, чем сдастся в плен...» [23].

По большому счету судить о том, насколько хороша или плоха Женевская конвенция о военнопленных с точки зрения общепринятых гуманитарных норм, советские люди не могли. Текст документа не был опубликован, печать ограничилась негативными комментариями на его счет. Не случайно юридическую беспомощность проявляли даже те, кому по долгу службы знание международного соглашения было просто необходимо. В 1946 г. начальник лагеря № 150 запрашивал вышестоящую инстанцию: «От военнопленных священников немецкой национальности поступают письменные заявления и прошения, адресованные на имя Министра Внутренних Дел с просьбой освободить их из плена. Военнопленные ссылаются на 9, 12 и 13-ю статьи Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. и на Гаагское соглашение. Не имея по данному вопросу никаких разъяснений, прошу соответствующих на сей счет указаний» [24].

Существенно защищала права военнопленных, нуждающихся в медицинской помощи, Женевская конвенция 1929 г. «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях». Их лечение должно было осуществляться на одинаковых основаниях с военнослужащими армии того государства, во власти которого они оказались. После долгих раздумий советское руководство приняло решение присоединиться к этому международному соглашению, о чем 25 августа 1931 г. Нарком по иностранным делам М. М. Литвинов оповестил мировое сообщество специальной декларацией. Правда, гражданам страны Советов было объявлено, что «конвенция о раненых и больных 1929 г. представляет со-

бой часть буржуазного права войны» и подписывает ее Советский Союз только потому, что преследует цель «облегчить положение массы братьев по классу, массы трудящихся, поставленных враждебным ему классом по ту сторону фронта» [25].

Как бы то ни было, подписание конвенции СССР сыграло свою положительную роль. В случае нарушения противником соответствующих статей документа появилась возможность на законных основаниях апеллировать к Международному Красному Кресту, что в свою очередь оказывало определенное сдерживающее влияние и на фашистское руководство. Вовсе не случайно на Нюрнбергском процессе адвокаты главных военных преступников старательно замалчивали факты, связанные с нарушениями соглашения о раненых и больных. Грубое же попрание гитлеровцами конвенции о военнопленных, защита объясняла тем, что правовые принципы названного документа не распространяются на государство, отказавшееся его подписать. Опыт войны показал, что далеко не каждый немецкий врач шел на нарушение норм международного права и оставлял без медицинской помощи нуждающегося в ней военнопленного. Командование частей вермахта согласно конвенции привлекало к лечению пленных красноармейцев советских медиков и нередко разрешало им открывать на оккупированной территории специальные госпитали. Авторы далеки от мысли идеализировать положение пациентов этих госпиталей, ибо факты произвела и грубого вторжения немецкой военной администрации в организацию лечебного процесса случались довольно часто. Тем не менее условия, в которых находились здесь военнопленные, нельзя сравнить с фашистским лагерем, зачастую лишенным элементарных удобств и располагавшимся под открытым небом.

Нарушал ли СССР соглашения, защищающие права военнопленных?

Преступлениям гитлеровцев против мирного населения, пленных бойцов и командиров Красной Армии нет и не может быть оправданий. В то же время, не будет ли сегодня отступлением от исторической истины следовать распространенной версии о том, что на протяжении всей войны и послевоенного периода СССР неукоснительно соблюдал принятые на себя обязательства в области международного права? Ответом на поставленный вопрос может послужить анализ выполнения правительством СССР, военным командованием, органами НКВД документов, регламентирующих права военнопленных и режим плена. К числу таких документов прежде всего следует отнести уже упомянутые Женевские конвенции 1929 г. и утвержденное 1 июля 1941 г. СНК СССР «Положение о военнопленных».

Больше не имеет смысла замалчивать то обстоятельство, что историки Германии располагают документами о расстрелах без

суда и следствия первых немецких военнослужащих, оказавшихся в советском плену [26]. Свидетельства подобного рода можно найти в недавно опубликованных мемуарах Н. С. Хрущева, в годы войны члена военных советов ряда фронтов [27]. В некоторых случаях указания об уничтожении того или иного военнослужащего вермахта, перешедшего на нашу сторону, исходили из самой высокой инстанции. Так, 4 сентября 1941 г. И. В. Сталин, получив от командующего Резервным фронтом Г. К. Жукова сообщение о немецком перебежчике, заявил: «Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием, а потом расстреляйте» [28]. При воссоздании правдивой картины прошлого не принимать во внимание эти прискорбные факты, если они даже и не были многочисленными, было бы ошибочным.

Причины расправы с немецкими военнопленными в первые месяцы жестокой битвы на советско-германском фронте в какой-то мере можно понять. В обстановке отступления, нередко поспешного и беспорядочного, пленный солдат становился лишней обузой. К горечи поражения в первых боях примешивалось ощущение бессилия перед неудержимо рвущимися вперед вражескими силами, а первые столкновения с фактами зверств со стороны противника искали выход в отмщении. Существовали, на наш взгляд, и иные причины — причины, способствовавшие совершению беззаконных действий. Из статьи 63-й Женевской конвенции о военнопленных вытекает, что солдаты и офицеры противника, попавшие в плен и обвиняемые в преступлениях против законов и обычаяв войны, могут быть переданы только тем же судам, что и военнослужащие Красной Армии*. У нас роль таких судов, как известно, выполняли военные трибуналы. Однако продолжительное время ни военным трибуналам, ни какому-либо иному органу юстиции рассмотрение в законодательном порядке дел о преступлениях военнопленных не было поручено. Таким образом, существовала почва для самосуда, избежать которого позволил Указ Призидаума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [29]. Указ предусматривал особые виды наказания — смертную казнь через повешение, ссылку и каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Дела о фашистских преступлениях рассматривали военно-полевые суды при дивизиях действующей армии. Приговоры судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение. Незамедлительное возмездие ожидало и фашистских преступников, захваченных в плен, если их дела рассматривал военный трибунал фронта. Однако статья 66-я Женевской конвенции гласит, что смертный приговор может быть приведен в исполнение

* Сноски на неоднократно приводимые в тексте статьи Женевской конвенции о военнопленных опущены сознательно.

ние только через три месяца после того, как противоборствующая сторона будет озвещена о вынесении приговора. Попытки прибегнуть к реализации предусмотренной процедуры озвещения ни Советский Союз, ни Германия не предпринимали, ибо конфронтация на уровне международно-правового решения проблемы была слишком велика.

В статье 47-й Женевской конвенции сказано, что в отношении военнопленных, совершивших побег, могут применяться лишь дисциплинарные меры, включая арест, но не более. Документы свидетельствуют об ином. Лица, осуществившие побег из советских лагерей, брались администрацией на «оперативный учет», а **главное — в качестве наказания срок депатриации для таких военнопленных отодвигался на неопределенное долгое время**. Во время Великой Отечественной войны гибель немецких военнослужащих при попытке к бегству была не редкостью. В послевоенном приказе министра внутренних дел С. Н. Круглова специально оговаривалось: «Применение оружия по военнопленным при всех обстоятельствах есть крайняя мера, и к ней следует прибегать, когда все остальные меры воздействия оказались безрезультатными. Во всех случаях применения оружия производить специальное расследование правильности и необходимости его применения» [30].

В соответствии с требованиями международных конвенций военнопленным полагалось выплачивать денежное пособие. Солдаты и офицеры противника, содержавшиеся в советских лагерях, стали получать его после выхода приказа НКВД СССР от 5 июня 1942 г. Приказ предусматривал, что рядовому и унтер-офицерскому составу выплачивается 10 руб., среднему и старшему командному составу — 25 руб., высшему командному составу 50 руб. Однако, как справедливо отмечает военный юрист и историк В. П. Галицкий, нарушений в этом деле избежать не удалось. Не везде и не всегда регулярно обитатели лагерных бараков получали деньги на руки [31].

Статья 9-я Женевской конвенции обязывает государство проявлять заботу о безопасности оказавшихся в его власти военнослужащих противника. Запрещается использовать пленных на работах с вредными условиями труда. В этой связи возникает вопрос, как следует отнестись к межправительственному договору от 23 ноября 1945 г. о добыче на территории Чехословакии урановой руды и ее поставке в СССР? Для нашего руководства вряд ли было секретом, что до 1949 г. отнюдь не безопасный материал из «Яхимовских шахт» выдавали на-гора пять тысяч пленных немцев [32].

Как уже говорилось, с 1 июля 1941 г. Совнарком Союза ССР утвердил «Положение о военнопленных». Текст документа по радио, через листовки и обращения доводился до личного состава войск противника, вывешивался на видных местах в лагерях. По наиболее принципиальным вопросам документ не имел расхожде-

ний с Женевской конвенцией о военнопленных. Так, всем, оказавшимся в советском плену, разрешалось «получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольствием» [33]. Казалось бы, сама обстановка благоприятствовала тому, чтобы продекларированное право воплотилось в реальность. В августе 1941 г. делегации Международного Красного Креста с согласия Гитлера разрешили посетить лагерь советских военнопленных в Хаммерштадте, после чего последовал призыв к СССР оказать помощь своим соотечественникам продовольствием. Однако из Москвы пришел вежливый отказ. Его мотивы сводились к тому, что в существующих условиях продовольствие скорее всего не попадет по назначению [34]. Понятно, что при такой постановке вопроса не приходилось рассчитывать на помощь продуктами из Германии и находящимся в советском плену военнослужащим вермахта.

Нежелание СССР воспользоваться посредническими услугами Международного Красного Креста серьезно усугубило положение пленных обеих воюющих сторон, особенно советских людей. Хотя после поражения под Москвой массовое уничтожение русских в лагерях третьего рейха было прекращено, их положение мало изменилось к лучшему. Как отмечают германские историки М. Барч, Г.-Ф. Шебеш, Р. Шеппельманн, провал молниеносной войны вынудил фашистские власти пересмотреть свою политику: «бесполезная» смерть русских была признана нецелесообразной, началось «уничтожение работой» [35]. Находящиеся на полу-голодном пайке советские пленники быстро теряли последние остатки физических сил. Потерявших трудоспособность по распоряжению начальника управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майора фон Гревенитца умершвляли. В итоге гибель десятков тысяч людей была предопределена. В то же время из 235 473 пленных англичан и американцев за все время войны умерло 8348 человек [36]. Объясняется это не только лояльным отношением фашистской администрации к военнослужащим союзников Красной Армии, но и тем, что американцы и англичане в отличие от наших пленных периодически получали продовольственную помощь от своих стран.

«Положением о военнопленных» оговаривалась возможность посещения лагерей иностранными делегациями Красного Креста. На практике же допускались в СССР, судя по всему, только те представители названной организации, которые прибывали в связи с протестами советской стороны на нарушение немцами Женевской конвенции 1929 г. «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях». Так, в 1943 г. англо-американо-канадская делегация дважды зафиксировала нарушение норм международного права солдатами и офицерами вермахта [37]. Однако каких-либо сведений о посещении делегациями Красного Креста лагерей военнопленных обнаружить не удалось. Зато в поле на-

шего зрения попал ряд документов, доказывающих, что органы НКВД бдительно следили за недопущением контактов лагерного контингента с иностранными подданными. К разряду чрезвычайных немедленно был отнесен случай в Серпухове в сентябре 1945 г. По недосмотру охраны представители французского посольства вступили в разговор с пленными, работавшими вблизи автострады. Дабы подобного никогда не повторилось впредь, начальник ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант А. И. Петров потребовал установить режим, «исключающий всякую возможность» нежелательных контактов [38].

Ветеран войны из города Заволжья Н. И. Васильев с возмущением пишет: «Все страны через Красный Крест имели связь со своими пленными, и только сталинская рука отвергла эту связь» [39]. Действительно, советское руководство отказалось предоставить Международному Красному Кресту полный список попавших в плен военнослужащих вермахта. В результате родные и близкие военнопленных той и другой стороны были обречены на неведение относительно судьбы своих отцов, сыновей, братьев. Впрочем, в том, что немецкие солдаты и офицеры потеряли связь со своими семьями, не в меньшей степени виноваты правители третьего рейха. После поражения под Сталинградом на почту военнопленных из СССР окончательно был наложен запрет. Тем не менее на территорию противника изредка попадали письма, отобранные 7-м отделом Главного политуправления РККА*. Так, например, письма тех, кто попал в плен после битвы на Волге, сбрасывались над Венгрией. И лишь потом немногие весточки из далекой России окольными путями достигали Германии. [40].

Один из пунктов «Положения о военнопленных» предусматривал, что «нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации должны быть немедленно направлены командирами частей в ближайшие госпитали» [41]. Однако во фронтовой обстановке выполнить это требование удавалось далеко не всегда. Приходилось эвакуировать раненых солдат противника в тыл вместе с пострадавшими в боях красноармейцами, что было категорически запрещено. Случалось, политорганы фронтов и армий привлекали к ответственности медиков, допустивших посадку на санитарный поезд в первую очередь немецких военнопленных, а не военнослужащих Красной Армии. О наказании медперсонала, например, сообщалось в донесении начальника политотдела 2-й ударной армии полковника Ф. А. Шаманина [42]. Между тем врачи эвакоприемника, о которых шла речь в документе, исходили из степени тяжести пострадавших и действовали по принципу — «военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии» [43]. Упрекнуть их, пожалуй, можно лишь в том, что погрузка вра-

* Такое название носил отдел по работе среди войск и населения противника.

жеских солдат в вагоны проводилась прямо на глазах у раненых красноармейцев.

Серьезные нарушения были допущены СССР в организации учета умерших военнопленных и в принятой процедуре их погребения. В Женевской конвенции «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях» о солдатах и офицерах, которые скончались на территории своего противника, говорилось: «...Воюющие стороны будут наблюдать, чтобы умершие были погребены с честью, чтобы их могилы уважались и могли всегда быть разысканы» [44]. К сожалению, лишь в самом начале войны на каждого умершего военнопленного в Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) и в Санитарное управление РККА регулярно направлялись соответствующие донесения, как например, 28 августа 1941 г. от начальника спецгоспиталя № 4563 Гринберга: «...Военнопленный Гайнеман Карл Германович, рядовой 88 стрелкового полка, немец, 1921 г. р., уроженец Эшбеке (Тюрингия) скончался 24 августа с. г. Похоронен 27 августа на Преображенском кладбище в Москве (военный участок, место № 4563)» [45]. Чаще же наблюдалась несколько иная картина. Именные списки умерших фиксировали далеко не всех скончавшихся, графа «место захоронения», случалось, вообще отсутствовала, либо координаты этих мест указывались без особой точности. Например, все, что можно извлечь из документации об умерших в спецгоспитале № 3337 в Бабаево — это общая цифра захороненных (32 чел). Кто погребен в «200 м на Юго-Запад от госпиталя» [46] установить сегодня вряд ли уже возможно.

В 1949 г. была предпринята попытка навести порядок в алфавитных и кладбищенских книгах, уточнялись или составлялись заново планы — схемы мест захоронений. Кладбища военнопленных стали обретать более или менее приличествующий вид. Причину подобной активности лагерной администрации во многом объясняет документ следующего содержания: «В связи с тем, что надлежащее сохранение кладбищ предусмотрено международными конвенциями о военнопленных, не исключена возможность разрешения правительственными органами посещения отдельных кладбищ представителями иностранных государств. Поэтому прошу Вас за ходом проверки состояния кладбищ военнопленных проследить лично» [47]. Такое распоряжение начальника ГУПВИ МВД СССР в числе других начальников управлений МВД краев и областей страны получил и руководитель МВД по Вологодской области. Однако образцово выполнить полученное распоряжение оказалось не так-то легко. Сказалось безответственное отношение к захоронениям пленных во время войны и не менее халатное отношение городских и районных исполкомов к переданным в их распоряжение после расформирования лагерей кладбищам. В письме на имя председателя Вологодского облисполкома П. П. Корепанова говорилось: «...Установлено, что местные органы власти ни-

какого надзора за принятymi кладбищами не осуществляли, вследствие чего кладбища находятся в запущенном состоянии: большинство могильных холмиков разрушено, надмогильных холмиков не имеется, могилы заросли кустарником, ограждения кладбищ отсутствуют» [48]. Нетрудно догадаться, что не менее удручающая картина наблюдалась и в других республиках, краях и областях СССР.

Нет смысла обвинять в небрежении Центральное справочное бюро при исполнкоме Красного Креста СССР, которому в годы войны было поручено осуществлять обмен списками военнопленных, передавать наследникам умерших их документы и деньги. Вряд ли стоит предъявлять претензии и к организованной с 1945 г. при исполнкоме Красного Креста СССР комиссии по розыску советских и иностранных граждан, пропавших без вести. Да, на многочисленные запросы родственников немецких военнопленных комиссия нередко давала стандартный ответ типа «сведениями не располагаем». К сожалению, для таких ответов существовали весьма веские причины. Все данные о военнопленных на долгие годы стали достоянием только одного ведомства — НКВД-МВД СССР. В конечном счете именно это ведомство решало, какую информацию о пленных настало время передать гласности. Поэтому не приходится удивляться тому, что сегодня по оценкам специальной комиссии ООН остается неизвестной судьба 87353 немцев, оказавшихся в плена Советского государства [49]. Немало, видимо, вошло в это число тех солдат и офицеров вермахта, чья смерть при конвоировании, эвакуации, в лагерях и спецгоспиталях не была своевременно зафиксирована документально, равно, как и место захоронения.

Особого внимания заслуживает вопрос о возвращении немецких военнопленных на родину. В статье 75-й Женевской конвенции сказано: «Репатриация военнопленных должна осуществляться в **кратчайший после заключения мира срок**». Фактически после того, как немецкая сторона подписала акт о безоговорочной капитуляции, военные действия были прекращены. С 9 по 17 мая 1945 г. без сопротивления сложили оружие, не считая отдельных мелких групп в Чехословакии и Австрии и отъявленных фанатиков, свыше 1,3 млн. солдат и офицеров вермахта [50]. Однако потребовалось несколько долгих лет, прежде чем последние немецкие военнопленные возвратились на родину. Формально обоснованием столь длительной задержки можно было бы объявить отсутствие принятого в международной практике документа о прекращении состояния войны между двумя государствами. Но о документе подобного рода говорить не приходится, ибо на Потсдамской конференции было решено, что «пока... не будет учреждено никакого центрального германского правительства» [51]. Верховная власть в стране, как известно, до марта 1948 г. принадлежала Контрольному совету четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции. Позднее же вопрос о заключении

мира между победителем и побежденным целиком оказался в руках Советского государства. Достаточно сказать, что решение о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией было принято в одностороннем порядке. Объявлено об этом было Указом Президиума Верховного Совета СССР только 25 января 1955 г. [52].

Если не принимать во внимание военных преступников, осужденных к длительным срокам наказания, то основными критериями при решении вопроса об освобождении от плена всех остальных были:

состояние здоровья и, как следствие, пригодность или непригодность к выполнению физического труда;

воинское звание и служебное положение военнослужащего, его возраст;

постоянное место жительства (восточная или западная зоны оккупации Германии);

наличие или отсутствие компрометирующих материалов (саботаж, симуляция, членовредительство и т. п.) на тех, кто содержался за колючей проволокой.

В основе названных критериев, на наш взгляд, лежали прежде всего экономические, военно-политические и идеологические соображения. Так, разрушенное войной народное хозяйство требовало дешевой рабочей силы взамен сильно поредевшего контингента лагерей ГУЛАГа (уже в начале войны была объявлена амнистия, коснувшаяся осужденных за «малозначительные преступления», несколько позднее было освобождено и направлено на фронт 420 тыс. человек, еще несколько тысяч умерло от непосильного труда и полуголодного существования)*. Однако малотрудоспособные военнопленные не представляли большого интереса. Требовались люди физически здоровые, способные эффективно трудиться на восстановительных и строительных объектах. Сдерживающим фактором репатриации офицерского состава служило то, что в условиях растущего противостояния между бывшими союзниками советское руководство не хотело допустить использования опытных кадровых офицеров вермахта в качестве своего возможного противника на стороне блока империалистических государств. Наконец, пленные, подозреваемые в саботаже, симуляции, членовредительстве и других неблаговидных действиях, задерживались по «оперативным соображениям». И хотя вину таких пленных еще требовалось доказать, они рассматривались как враги социалистического строя.

Первую репатриацию немецких военнопленных СССР проводил в августе 1945 г. Планировалось возвратить на родину около 500 тыс. чел., причем включены в это число были главным

* Согласно справки НКВД СССР на 1 января 1941 г. в лагерях ГУЛАГа находилось 1500524 чел., на 1 января 1946 г. 600897 чел.

образом больные, инвалиды, малотрудоспособные. По сведениям начальника НКВД по делам военнопленных группы советских оккупационных войск в Германии в каждом из прибывающих эшелонов оказывалось до 100 чел., которых в силу их крайне болезненного состояния нельзя было передавать местным органам самоуправления. Такой ослабленный контингент предварительно направлялся в лагерь-госпиталь во Франкфурте-на-Одере [53].

Наиболее значительная по масштабам репатриация проходила в 1948 г. Достаточно обратиться к справке Вологодского областного управления МВД, чтобы уяснить — главным критерием освобождения по-прежнему остается физическое состояние военнопленного, уровень его трудоспособности. Из общего числа всех немцев, содержавшихся в местных лагерях, к отправке на родину предназначалось 5 786 «больных, инвалидов, ослабленных и малотрудоспособных». К 10 июля 1948 г. 3 556 человек выехало в Германию. «Остальные, — указывается в документе, — не могут быть репатриированы и остаются в лагерях...» Согласно директивы сверху, руководство УМВД области отсрочивало освобождение 530 офицеров в возрасте моложе 60 лет и задерживало по «оперативным соображениям» 1 700 человек [54].

Пока у власти находился И. В. Сталин, проблема репатриации долго не получала своего разрешения. Только 5 мая 1950 г. в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «к настоящему времени репатриация немецких военнопленных из Советского Союза в Германию полностью закончена». Общая цифра репатриированных с момента капитуляции составила 1 939 063 чел. [55]. Однако вскоре после смерти вождя принимается совместное коммюнике Советского правительства и правительственной делегации ГДР от 23 августа 1953 г. В соответствии с принятым соглашением все немцы, которые еще находились в СССР на правах военнопленных, за исключением «лиц», совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечества, подлежали освобождению [56]. И хотя освобождаемые именовались в коммюнике «военнопленными, осужденными за преступления во время войны», это была, скорее всего, уступка времени, уступка прежде проводимому курсу. Уже 1 ноября 1953 г. в советской печати публикуется сообщение, в котором слово «осужденные» не встречается. Текст сообщения гласил: «В связи с репатриацией немецких военнопленных из СССР репатриирован также фельдмаршал Паулюс...» Ниже следовало и по сей день пророчески звучащее заявление бывшего командующего 6-й армии: «...Великодушное решение Советского правительства от 23 августа 1953 г. по вопросу о военнопленных служит новым доказательством того, что Советское правительство в своей политике по отношению к Германии не руководствуется чувством мести за бесчисленные страдания, которые мы причинили советскому народу в результате развязанной нами войны. Напротив, оно своей мирной политикой, которая вновь нашла

свое выражение в вышеупомянутом решении, облегчает всему германскому народу движение по широкому пути к единству Германии и тем самым к счастливому будущему» [57].

Последнюю точку в возвращении немецких военнопленных на родину поставили Московские переговоры между СССР и ФРГ, проходившие в сентябре 1955 г. Речь шла об установлении дипломатических отношений между двумя государствами. Начавшийся диалог по своему драматизму и накалу мало чем напоминал «дипломатичный» разговор двух высоких договаривающихся сторон. Глава германской делегации Конрад Аденауэр заявил: «Разрешите мне начать с вопроса об освобождении тех немцев, которые в настоящее время находятся еще в заключении на территории Советского Союза или в странах, находящихся под советским влиянием, или которым так или иначе препятствуют выехать из этих районов...» [58]. Глава советской делегации, председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, а вслед за ним Н. С. Хрущев и В. М. Молотов, категорически отвергли правомерность такой постановки вопроса. Да, действительно, на 1 сентября текущего года в Советском Союзе все еще находятся 9 626 немцев. «Но эти люди, — подчеркнул Н. А. Булганин, — которые по самым гуманным нормам и правилам должны содержаться на правах преступников. Они по заслугам осуждены советским судом и не могут рассматриваться как военнопленные» [59]. В ответном слове Конрада Аденауэра отчетливо прозвучала мысль о том, что без решения названной проблемы нормализация отношений между двумя государствами представляется германской стороне весьма затруднительной. «Не дайте нам, пожалуйста, — убеждал он, — возвратиться домой с заявлением: «Советское правительство отказалось вообще говорить с нами по этому вопросу» [60].

В дальнейшем в ходе переговоров немецкая делегация еще и еще раз обращалась к проблеме «задерживаемых лиц». Тем не менее, в совместном коммюнике, провозгласившем установление дипломатических отношений между двумя странами, о них не было сказано ни слова. И только позднее можно было убедиться, что позиция германской делегации была воспринята с пониманием. 21 сентября 1955 г. «Правда» без каких-либо комментариев с небольшими сокращениями перепечатала статью председателя комиссии бундестага по иностранным делам Кизингера из «Штутгarterцайтунг». В ней, в частности, говорилось: «После очень упорных переговоров советские руководители в Москве дали слово освободить... задерживаемых немцев. Без этого обещания не было бы достигнуто решение о нормализации дипломатических отношений...»

Можно спорить о том, как называть те девять тысяч немцев, что вскоре после переговоров вернулись домой. Историки Германии, как правило, не склонны именовать их военными преступниками. Всех освобожденных в 1955 г. из советских лагерей и мест

заключения они подводят под общую формулировку «военнопленные». Вряд ли это правомерно. Скорее всего здесь необходим дифференцированный подход. На наш взгляд, к моменту переговоров на территории СССР в большинстве своем все же находились немцы, осужденные за злодеяния на советской земле. Однако и позицию Советского правительства нельзя считать полностью неуязвимой. Конрад Аденауэр справедливо заявил: «... Нам известны случаи — не малое число случаев, — когда немцы, которые как солдаты попали в плен, были осуждены за преступления, совершенные ими после прекращения военных действий» [61]. Судя по всему данное обстоятельство вкупе с целесообразностью установления добрососедских отношений с Западной Германией перевесило все иные соображения советского руководства. В свою очередь канцлер ФРГ проявил твердость и мудрость политика. Вопреки мнению своих советников он поверил не зафиксированному ни в одном документе честному слову Н. А. Булганина, что в конечном счете и обеспечило успех переговоров.

Организация приема и эвакуация военнопленных

Одной из характерных особенностей начального периода Великой Отечественной войны являлось то, что в советском плену находилось очень незначительное число солдат и офицеров противника. На 10 августа 1941 г. в лагеря было отконвоировано 1990 человек, из них 974 немца [62]. Думается, органы НКВД не испытывали особых проблем с приемом, эвакуацией и размещением военнопленных. Тем более, что опыт подобной работы был к этому времени немалый. После вступления частей Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. за колючей проволокой оказалось более 130 тыс. польских военнослужащих [63]. Уже тогда было создано Управление по делам военнопленных, выработаны временное положение о приемных пунктах военнопленных, положения о лагерях — распределителях и стационарном лагере.

Согласно установленному порядку командование войсковых частей и соединений отвечало за охрану пленных только до момента доставки их в армейские приемные пункты. Затем солдаты и офицеры противника поступали в распоряжение конвойных войск НКВД. «Временная инструкция о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители», утвержденная 4 июля 1941 г. заместителем начальника НКВД СССР генерал-лейтенантом И. И. Масленниковым, предусматривала буквально каждую мелочь. В ней говорилось и о взаимоотношениях между конвоем и пленными, и о правилах сопровождения последних к месту назначения различными видами транспорта, и о норме суточного перехода (не более 25-30 км) и даже о числе привалов при конвоировании пленных пешим порядком. Обращает

на себя внимание то обстоятельство, что вражеским солдатам разрешалось покупать в пути следования продукты питания [64]. Одним словом, это была идеальная, **временная** инструкция, ибо выполнить ее можно было только при отсутствии массового поступления пленных, безуокоризненной работе транспорта и своевременном обеспечении конвоируемых всем необходимым на всем пути следования.

В начальный период войны эвакуация военнопленных проходила по схеме: войсковой район — армейские приемные пункты (АПП) — тыловые стационарные лагеря. Заведенный порядок вполне отвечал той обстановке, которая складывалась на советско-германском фронте. Число пленных со стороны противника было невелико. На 31 декабря 1941 г. в лагерях УПВИ НКВД СССР находилось всего 9 417 человек. Тем не менее, к лету 1942 г. прежний порядок эвакуации военнопленных был признан неэффективным. Приказом НКВД СССР между армейскими приемными пунктами и тыловыми лагерями вводится промежуточное звено в виде шести лагерей-распределителей [65].

Кардинально изменилась ситуация с приемом и эвакуацией пленных в конце 1942 г. 19 ноября советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом. Уже через пять дней капитулировали окруженные в районе Располинская, Базковский 27 тыс. румынских солдат и офицеров вместе со своими генералами. Во второй половине декабря на Среднем Дону мощный удар по врагу нанесли войска Юго-Западного и Воронежского фронтов. Только за десять дней наступления сложили оружие 48 тыс. итальянских и 5 тыс. немецких солдат и офицеров. В условиях такого значительного поступления пленных число АПП пришлось увеличить до 44, а лагерей-распределителей — до 15 [66].

К этому времени в критической ситуации оказались зажатые в кольцо войска 6-й немецкой армии. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Нормы продовольственного снабжения уменьшались с каждым днем, и накануне капитуляции солдаты получали всего 50 г хлеба в сутки. Резко возросла смертность от болезней и ранений. В этих условиях моральный дух армии был серьезно подорван. Стремясь избежать напрасного кровопролития, советское командование предъявило противнику ультиматум. Всем прекратившим сопротивление гарантировалась жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение на родину или в любую страну, куда изъявят желание пленные. Однако, выполняя волю и приказ Гитлера, командующий 6-й армии Фридрих Паулюс отклонил предложенную капитуляцию. Более того, в своем приказе от 20 января 1943 г., т. е. спустя десять дней после нашего наступления, Паулюс писал: «Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление. Большинство из нас ожидает верная смерть либо от вражеской пули, либо от холода, голода и страданий в позорном сибирском плену. Есть у нас только один выход — бороться до последнего патрона» [67].

Однако никакие приказы уже не могли спасти вражескую группировку от поражения. Войска Донского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского разгромили 22 немецкие дивизии и свыше 160 частей усиления и обслуживания. С 10 января по 2 февраля 1943 г. в плен было взято 91 тыс. военнослужащих вермахта, в том числе более 1500 офицеров и 24 генерала [68].

С учетом сложившейся обстановки начальнику тыла Донского фронта было дано указание развернуть в районе Сталинграда несколько дополнительных лагерей для военнопленных. К 22 февраля в этих лагерях было сосредоточено 90 тыс. человек, из которых более 30 тыс. находилось в тяжелейшем физическом и нервно-психическом состоянии. Всего же в ходе Сталинградской битвы за период с 19 ноября 1942 г. по 3 февраля 1943 г. в плен было захвачено 151246 вражеских солдат и офицеров [69]. Как считает Франц Уле-Веттлер, из всех немцев, оказавшихся в руках Советского государства после битвы на Волге, домой вернулось лишь около 6 тыс. человек [70]. Думается, германский историк несколько сгущает краски, хотя часть военнослужащих вермахта в те роковые для них дни действительно была незавидной — масса раненых, обмороженных, страдающих дистрофией и сыпным тифом. В довершение всего лагеря военнопленных в районе Сталинграда оказались переполненными, а эвакуация в тыл растянулась до июня 1943 г. Только усугубили свое положение те, кто сбежал из плена или скрылся из зоны недавних боевых действий. Тщетно пытаясь выйти на своих, беглецы, лишенные куска хлеба и теплой одежды, занимались мародерством, ночевали в лесах, пытались найти приют у жителей окрестных деревень. 17 февраля 1943 г. НКВД СССР был отдан приказ № 00343 «О мерах по розыску беглых солдат и офицеров неприятельской армии». Оперативным группам и агентурно-осведомительной сети предлагалось взять под усиленный контроль железнодорожные вокзалы, автомагистрали и близлежащие к ним населенные пункты. Приказ напоминал, что население, изобличенное в укрывательстве немцев, должно привлекаться к уголовной ответственности [71]. Правда, органы НКВД умели не только карать, но и в необходимых случаях поощрять местное население. Так, за содействие в задержании немецких военнопленных, сбежавших из тылового лагеря, были премированы председатель Кадниковского сельсовета Сокольского района Вологодской области Г. В. Намесников и колхозники того же сельсовета А. А. Смирнов и Ф. И. Смирнов. [72].

Вскоре после Сталинградского сражения лагеря-распределители были реорганизованы во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ), а с 26 сентября 1943 г. по приказу НКВД СССР между АГП и ФППЛ создается промежуточное звено — сборные пункты (СП) военнопленных. Все эти нововведения, безусловно, были направлены на улучшение обслуживания пленных в ходе эвакуации. Однако нехватка вагонного парка, автотранс-

порта и конной тяги продолжали затруднять эффективное решение проблемы. Как правило, конвоирование пленных в полосе линии фронта осуществлялось пешим порядком. В связи с этим приказом НКО СССР от 23 апреля 1944 г. были определены предельно допустимые расстояния между АПП — СП — ФППЛ. В 25—30 км от переднего края устраивались АПП, далее в 50-70 км располагались СП, а еще через 100-120 км — ФППЛ [73]. Таким образом планировалось свести к минимуму число заболеваний и смертельных исходов среди вражеских солдат при пеших переходах.

Не один день занимала дорога к стационарному лагерю, расположенному в глуби страны. Описание одной из таких длинных и нелегких дорог оставил в своих воспоминаниях бывший военнопленный Отто Рюле, известный читателям по книге «Испытание в Елабуге». Вот что он пишет: «Колонна наша сильно растянулась, не менее чем на километр. Я шел примерно в середине колонны. Каждый тащился как мог... Советские солдаты, сопровождавшие колонну пленных, вели себя очень корректно. Красноармейцы подгоняли нас лишь криками «Давай-давай», и не больше. А если какой-нибудь пленный падал, русский солдат подходил к немцу, помогал ему встать, а потом докладывал офицеру о случившемся. И обессиленный немец получал место на санях!» [74]. Правда, по нашему мнению, картина, которую рисует О. Рюле, выглядит несколько идеализированной.

Летняя кампания 1944 г. ознаменовалась семью крупными операциями по окружению и разгрому немецких группировок. Только в июле при ликвидации вражеского «котла» восточнее Минска в плен было взято 35 тыс. человек, в том числе 12 генералов. В целях оперативной эвакуации разоруженного противника из фронтовых районов в глубь страны начальник Тыла Красной Армии и Нарком внутренних дел СССР подготовили и 31 июля направили своим подчиненным специальную директиву. Документ этот, в частности, предусматривал персональную ответственность начальников тылов фронтов за прием, обеспечение и эвакуацию военнопленных. В результате число точек, предназначенных для обслуживания вражеских солдат и офицеров на пути к лагерю, значительно увеличилось. К концу 1944 г. во фронтовой полосе действовало 72 армейских пункта и 49 сборных пунктов [75].

Особенно остро обозначилась проблема приема, обслуживания и эвакуации немецких военнопленных на завершающем этапе войны и в первые месяцы после ее окончания. Войскам Красной Армии пришлось снабжать продовольствием немецкое население, оказывать всестороннюю помощь репатриированным советским гражданам, освобожденным из лагерей красноармейцам и военнослужащим союзных армий. Среди репатриантов, предназначенных к отправке в СССР, были широко распространены такие заболевания как туберкулез, брюшной тиф, чесотка. Удручающее много было зараженных гонореей и сифилисом. В крайне ослабленном

ленном состоянии находились бывшие узники фашистских концлагерей. К 1 июля 1945 г. общее число депатрированных советских граждан и бывших военнопленных, принятых на обеспечение службами тыла Красной Армии, составило 2 453 520 человек [76]. Однако и цифра немецких солдат и офицеров, сдавших оружие в период с 9 по 13 мая 1945 г., была внушительной — 1 390 978 человек [77]. Среди оказавшихся в плену было немало раненых и больных. Некоторые, как только шли на поправку, чтобы не попасть в число эвакуируемых в СССР, предпринимали попытки к бегству. Начальник санитарного управления 1-го Белорусского фронта А. Я. Барабанов 17 июля 1945 г. докладывал начальнику тыла группы советских оккупационных войск в Германии: «Имеют место случаи побегов военнопленных из госпиталей... Пополнение для охраны братья неоткуда. Между тем число военнопленных только в госпиталях ПЭП-15* достигло 17 тыс. Необходимо 400 человек конвойных войск для их охраны» [78].

Немало вражеских солдат и офицеров было взято в плен в конце войны в других странах Западной Европы. Так, в ходе операции по освобождению Вены разоружено более 130 тыс., а в боях за Прагу — около 680 тыс. военнослужащих вермахта [79]. Всего же в мае-июле 1945 г. в тыл страны силами девяти фронтов было отправлено 1 031 350 человек. Для транспортировки такой огромной массы людей потребовалось 358 железнодорожных эшелонов [80].

Видимо прежде всего трудности с приемом, обеспечением и эвакуацией разоруженных вражеских солдат являются главной причиной того, что смертность среди них в последние полгода войны оставалась достаточно высокой. В отчетах с мест можно встретить такие примерно записи: «В связи с большим количеством случаев смертности в 1945 г. за счет больных и истощенных военнопленных, поступивших с фронтов, лагерем допускались групповые захоронения умерших...» [81].

Быт и труд в лагерях для военнопленных

Каждый лагерь военнопленных имел на своей территории следующие объекты: жилые бараки, штаб лагеря, стационар или амбулаторию, продовольственный и вещевой склады, овощехранилище, пожарное депо, гауптвахту и караульное помещение, дома для охраны, баню, дезинфекционные камеры и прачечную. Тыловые стационарные лагеря подразделялись на три типа: офицерского состава, рядового и унтер-офицерского состава, смешанного типа. Последние имели отдельные жилые зоны для той и другой категории военнопленных. В бараках для рядового и

* ПЭП — полевой эвакуационный пункт. Объединял в своем составе несколько госпиталей фронтового подчинения.

унтер-офицерского состава оборудовались двухъярусные нары. Помещения для офицеров имели кровати, столы и стулья, несколько побогаче была обстановка в генеральских корпусах. В апреле 1943 г. было принято решение об использовании труда военнопленных на стройках НКВД и других наркоматов, с которыми ведомство Л. П. Берия заключало хоздоговора. Лагеря, которые сооружались в местах работ, отличались спартанской простотой. Несколько десятков бараков, сколоченных из горбыля, для утепления снаружи обсыпались землей. Норма жилой площади на одного человека в бараке или землянке определялась Типовым перечнем № 1 — 2 м². Оборудовалась уборная из расчета одно «очко» на 26 человек, умывальник из расчета один «сосок» на 15 человек [82].

Прибытие очередной партии пленных в любой из тыловых лагерей обязательно сопровождал досмотр личных вещей. Согласно инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 13 августа 1941 г. изъятию подлежали оружие, ценные вещи, документы, игральные карты и другие запрещенные предметы. После регистрации всех прибывших знакомили с правилами внутреннего распорядка и режимом дня, который предусматривал: подъем — 7.00, утренний туалет — 7.00-7.25; построение — 7.25-8.00; завтрак — 8.00-9.00; рабочее время — 9.40-14.00; обед — 14.00-15.00; рабочее время — 15.00-19.40; ужин — 19.40-20.40; отдых и культурные развлечения — 20.40-22.30; вечерняя поверка — 22.30-23.00; сон — 23.00 [83].

В обязательном порядке назначались уполномоченные (старосты) бараков, корпусов, лагеря в целом. Как правило, это были пользующиеся доверием среди администрации и авторитетом среди военнопленных лица. В функции старост входил контроль за поддержанием правил внутреннего распорядка, организация внутрилагерных работ, ежедневная сдача рапорта дежурному офицеру на вечерней поверке. Многие в течение нескольких лет занимались порученной работой и были неплохими помощниками лагерного начальства.

Особого внимания заслуживает вопрос о питании военнопленных. При анализе названной проблемы следует иметь в виду как минимум два обстоятельства. Прежде всего это то, что нормы хлебного и котлового довольствия неоднократно пересматривались. Например, в самом начале войны действовали нормы, утвержденные 11 октября 1939 г. Суточный паек военнопленного включал в себя хлеба ржаного — 500 г, хлеба пшеничного — 300 г, муки пшеничной — 20 г, крупы разной — 120 г, макарон — 20 г, мяса — 75 г, рыбы — 100 г, овощей — 600 г, масла растительного — 30 г, жиров животных — 10 г, сахара — 30 г, соли — 30 г и т. д. [84]. Как видно, приведенные нормы свидетельствуют о лояльном отношении советских властей к солдатам и офицерам противника. Даже с формальной точки зрения в менее выгодном положении находились томящиеся в лагерях ГУЛАГа

советские граждане. Согласно приказу НКВД от 5 августа 1941 г. занятые на основных производственных работах должны были ежесуточно получать: хлеба ржаного — 700 г, муки пшеничной — 15 г, круп разных и макарон — 100 г, мяса — 20 г, рыбы — 125 г, картофели и овощей — 600 г, сахара — 10 г, соли — 15 г и т. д. [85]. Нетрудно заметить, что хлеб пшеничный в рационе вообще отсутствует, существенно ниже нормы отпуска мяса, сахара, соли.

В начальный период войны помимо основной нормы питания военнопленных существовали повышенные, предназначенные для находящихся в лагерных лазаретах и оздоровительных командах. Однако ухудшившаяся экономическая ситуация в стране и возросшее число пленных в условиях, когда конца войне еще не было видно, привели к тому, что все дополнительные нормы по распоряжению заместителя начальника НКВД СССР В. В. Чернышова с 25 августа 1942 г. были отменены. Одновременно значительно понижался суточный рацион военнопленного. Хлеб теперь выдавался только ржаной и в количестве всего 400 г, отпускалось муки второго сорта — 20 г, крупы — 100 г, рыбы — 100 г, овощей и картофеля — 500 г, сахара — 20 г и т. д. В конце распоряжения замнаркома подчеркивалось, что работающим выделяется дополнительно 100 г ржаного хлеба [86].

Разгром немецких войск под Сталинградом сопровождался пленением не только солдат, но и большого числа офицеров и генералов. Видимо, именно это послужило толчком к переходу с 16 марта 1943 г на дифференцированные нормы питания. Так, офицерский состав получал хлеба 600 г, сахара — 17 г, жиров — 15 г, мяса — 80 г, картофеля — 900 г, овощей — 400 г, кофе — 5 г* [87].

Надо сказать, что поначалу немецкие солдаты и офицеры расценивали повышенное внимание к собственной персоне со стороны советской администрации не более как пропагандистский трюк. Исходя из этого избрали и соответствующую форму поведения. Старший лейтенант в отставке И. Ф. Филяев вспоминает: «Первое время пленные офицеры приходили в лагерную столовую, садились за накрытые столы и ожидали Паулюса. При его появлении все они вскакивали и приветствовали его по-нацистски, после чего он садился за стол, опирался головой на руки и сидел, не дотрагиваясь до пищи, потом поднимался и уходил. Вслед за ним покидали столовую остальные, не прикоснувшись к еде» [88]. Как свидетельствует А. С. Бланк, другой немецкий генерал, бывший начальник штаба 6-й армии Шмидт, во время посещения Сузdalского лагеря комиссией из Москвы громко заржал по-лошадиному. «Это от овсяной каши, — объяснил он с издевкой, — а скоро начну кричать петухом — от пшеницы ...» [89]. Впрочем, подобные демарши продолжались недолго.

* Неоднократно пересматривались и дифференцировались нормы питания и в послевоенное время. Приказ МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г. предусматривал девять норм питания. Так, суточное довольствие генералов и офицеров немецкой и японской армий было различным.

Второе обстоятельство, которое следует подчеркнуть, говоря о питании военнопленных, — это факты несоблюдения установленных норм хлебного и котлового довольствия. В условиях войны перебои в снабжении были не редкостью, однообразным был ассортимент продуктов. Допускались злоупотребления со стороны отдельных работников лагерей. Вообще-то многим из обслуживающего персонала казалось несправедливым, что вчерашних врагов, особенно офицеров и генералов, кормят гораздо сытнее, чем своих. Используя такие настроения, нечистые на руку работники не докладывали в котел положенное количество продуктов, занимались хищениями. Особенно развращала коллектив преступная деятельность лагерной администрации. Так, некто М. Я. Коломиец, заместитель начальника одного из лагерей, в сентябре-ноябре 1945 г. систематически обкрадывал военнопленных. Проведенная проверка показала, что за это время люди недополучили 2195 г жиров и 764 кг сахара. Ясно, что хищениями такого масштаба заниматься в одиночку было бы просто невозможно. В конечном счете упомянутый снабженец получил 15 суток ареста и был уволен из органов НКВД [90].

В трудное послевоенное время хищение государственного имущества в лагерях стало принимать угрожающие размеры. Специальная директива МВД СССР № 127 от 22 мая 1946 г., а вслед за ней и приказ министра внутренних дел № 0402 от 28 ноября 1946 г. не только констатировали неблагополучное положение дел, но и намечали меры по пресечению растрат и хищений [91]. Одной из таких крайних мер было увольнение от должности и привлечение к уголовной ответственности. В результате с некоторыми работниками пришлось распрощаться. Правда, очистительный процесс коснулся прежде всего лагерной obsługi. К примеру, в ноябре 1946 г. начальник управления лагеря № 150 докладывал об увольнении 17 человек. Почти все уволенные были ранее заняты на хозяйственных работах. Только один — заведующий сапожными мастерскими привлекался к уголовной ответственности [92].

Плен есть плен, и длительное пребывание за колючей проволокой поневоле накладывало определенный отпечаток на каждого. Неожиданно пристрастились к чтению художественной литературы те, кто до войны не был особым любителем словесности. Условия для этого существовали неплохие, ибо в каждом лагере обязательно имелась библиотечка, укомплектованная книгами на русском и немецком языках. Перестало смущать посетителей, поначалу настораживающее (не иначе, как красная пропаганда) обилие томов с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина. Люди убедились, что насилию обращать их в иную веру никто не собирается. Некоторые пленные, еще недавно довольно спокойно относившиеся к религии, вдруг проявляли исключительную нарожность. Порой к лагерному начальству приходили целые делегации и настаивали на выделении более просторного помещения

для отправления религиозных культов. При этом высказывались обиды, что лучшие места всегда отдаются под занятия различных кружков.

Интересные наблюдения можно встретить в мемуарах Рудольфа Петерсхагена, бывшего полковника вермахта *. В лагере №6064 в Моршанске пленные офицеры несколько месяцев подряд были одержимы идеей строительства вилл, естественно, на бумаге. За табак привлекали к проектированию солдат — строителей и архитекторов по профессии. Все свободное время «трудились» в поте лица... В устоявшийся и всем надоевший быт вносило разнообразие то или иное неординарное событие. Так, в одну из летних ночей на территории лагеря забрел лось. Двухметровый красавец застрял в проеме забора. О происшествии говорили много и долго. Заядлые охотники делились самыми невероятными историями [93].

Все это бытовые подробности более или менее невинного характера. К сожалению, бывали и трагические случаи. Слабые духом и телом, не сумевшие вписаться в лагерный быт, попадали в зависимость от более сильных. В конце концов кто-то не выдерживал, и тогда наутро в бараке можно было обнаружить труп повесившегося. Нервное возбуждение чувствовалось в момент внезапного досмотра личных вещей, который пленные нарекли «обиранием». Проводился такой досмотр согласно инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» не реже одного раза в месяц. Почти у каждого была какая-то своя сокровенная вещица и каждый боялся, что именно его «богатство» отнесут к разряду запрещенных. Предметом глухого недовольства и горячего обсуждения среди «своих» становилась любая допущенная в ходе досмотра несправедливость. К примеру, в декабре 1946 г. начальник отдела режима и охраны лагеря № 193 присвоил себе 15 руб., а некто лейтенант Попов — 200 руб. [94]. Нетрудно догадаться, какие отрицательные эмоции это вызвало.

Болезненно реагировали пленные на внезапное исчезновение из лагеря кого-либо из своих товарищей, если знали, что за теми не числится никаких воинских преступлений. Правда, здесь можно было и ошибиться. Известны, например, факты, когда немецкие генералы годами выдавали себя за рядовых или унтер-офицеров, чтобы скрыть свое прошлое. Время от времени людская мольва разносila слухи о том, что того или иного военнопленного переводят в тюрьму. Сразу же разгорались дебаты, как подобные действия согласуются с Женевской конвенцией, насколько это правомерно вообще. Вопрос этот, мучил, по-видимому, не только обитателей лагерных бараков, но и некоторых военных прокуроров. Последние в 1946 г. все чаще стали требовать от

* Рудольф Петерсхаген, будучи комендантом гарнизона Грайфсвальда, во избежание напрасного кровопролития 30 апреля 1945 г. сдал город советским войскам.

администрации лагерей мотивированного обоснования в изменении режима содержания военнопленных. Пришлось ГУПВИ НКВД СССР подключать себе на помощь Главного военного прокурора. В результате заместитель начальника ГУПВИ А. З. Кобулов 19 июня 1946 г. довел до сведения подчиненных: «Разрешается изменять режим содержания военнопленных, если они представляют оперативный интерес, и переводить из лагеря в тюрьму». Ниже приводится дословный текст телеграфного распоряжения Главного военного прокурора Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенанта юстиции Н. П. Афанасьева. Тот требовал от коллег на местах не вмешиваться в действия сотрудников НКВД, ибо установление более строгого режима для пленных — сфера их компетенции и не требует «специальных санкций военных прокуроров». Такие санкции признавались возможными только в том случае, если военнопленный совершил какое-либо уголовное преступление в лагере или в местах работ [95].

Поводом для недовольства могли послужить и встречавшиеся ограничения свободы отправления религиозных культов, незаконно произведенные с точки зрения военнопленных удержания из заработной платы, лишение права переписки с родными за допущенное нарушение лагерного режима. На этом пытались сыграть антисоветски настроенная часть обитателей лагерных бараков, которая свои враждебные выходки старалась приурочить к «красным датам» советского календаря. Начальник лагеря № 150 приказом от 22 октября 1946 г. предупреждал личный состав: «Отмечается активизация враждебных элементов. Могут быть провокационные действия...» Исходя из предшествующего опыта, руководитель указывал, что не исключена возможность побегов, вывешивания и написания антисоветских лозунгов, попыток осуществить массовое отравление через работающих на пищеблоке пленных и т. п. Приказом предлагалось перейти на усиленную охрану и наблюдение с 3 по 10 ноября [96].

По разному складывались отношения обитателей лагерных бараков с офицерским составом, охраной и обслуживающим персоналом. Не каждому советскому человеку удалось переломить в себе чувство ненависти к врагам, получившим статус военнопленных. В лагере для немецких генералов и офицеров в Войково капитан П. И. Еремин «замучил» командование рапортами об отправке на фронт. В конце-концов он написал заявление в партийную организацию, в котором просил освободить его от работы, дабы не наделать глупостей. Никакие беседы и разъяснения не помогли. Пришлось пойти капитану навстречу [97]. В то же время и сегодня в Советском Кресте можно встретить письма из Германии с просьбой разыскать того или иного бывшего работника лагеря, чтобы выразить ему свою признательность.

С окончанием войны у пленных появилась возможность встречаться в местах работ с местными жителями. Некоторые из этих

жителей не помня зла, едущименно относились к недавним врачам и даже делились с ними кое-какими продуктами из своих небогатых запасов. Порой просто знакомством дело не ограничивалось. Один из военнопленных лагеря № 193 подал начальству заявление с просьбой разрешить ему вступить в законный брак с женщиной из близлежащей деревни. И хотя случай этот был не из разряда особо криминальных, контроль за контактами пленных с местным населением был усилен [98].

Гораздо более серьезным нарушением считались внеслужебные связи с лагерной обслугой или медперсоналом. Что греха таить, почти все пленные мечтали поскорее очутиться на родине. Наиболее «предприимчивые» старались не упустить любой шанс для достижения заветной цели. Так, вскоре после войны у одного из лагерных медиков, сопровождавших репатрируемых в Германию, было обнаружено письмо. Его автор сообщал родне, что сумел завоевать расположение врача лазарета, и та перевела его на группу инвалидности. В связи с выпавшей удачей «счастливчик» выражал небезосновательную надежду в ближайшее время оказаться дома [99].

Согласно установленных правил, военнопленные имели право направлять на родину одно письмо раз в месяц и получать неограниченное число писем от родных. Писать разрешалось не более 25 слов, в дальнейшем — 50 слов. Вся переписка подлежала цензуре политконтроля особого лагерного отделения. Изъятию подлежала корреспонденция, содержавшая военную или государственную тайну. Однако на практике нежелательными признавались и письма, в которых встречались скрытые намеки на неудовлетворенность лагерными порядками, на плохое питание и медицинское обслуживание. На конфискованную корреспонденцию составлялся специальный акт, который вместе с письмом подшивался в учетное дело военнопленного [100].

Первые два года войны вся трудовая деятельность обитателей лагерных бараков протекала за колючей проволокой. Военнопленные занимались благоустройством территории, осуществляли ремонт собственных жилищ и инвентаря, использовались на работах в прачечной, вещевом складе и в других подсобных помещениях. Согласно «Положению о военнопленных» старшие офицеры и генералы могли привлекаться к труду только на добровольных началах. Однако те, кто избегал «праздного образа жизни», кто связывал с добросовестным трудом надежды на досрочное освобождение, не спешили воспользоваться предоставленными привилегиями. С другой стороны, не пожелавшие пойти «в услужение к большевикам», щеголяли в мундирах с фашистскими регалиями на груди (ношение орденов и медалей было запрещено только в 1946 г. по специальному решению международного суда в Нюрнберге) и всем своим видом демонстрировали пренебрежение к «предателям», приобщившимся к работе в лагерных мастерских. Эти небольшие портновские, сто-

лярные, сапожные, часовые и прочие мастерские были предназначены в основном для внутрилагерных нужд. Позднее было организовано производство предметов широкого потребления: плетенных корзин, кресел, табуретов, кадок и бочек, рабочей одежды. Изготовление перечисленной продукции включалось в план обязательных работ [101].

В апреле 1943 г. привычный режим лагерного быта был нарушен. В директиве начальника УПВИ НКВД СССР генерал-лейтенанта А. И. Петрова говорилось, что «наряду с обеспечением изоляции военнопленных» необходимо «организовать трудовое использование их по специальным заданиям». К таковым была отнесена работа на стройках НКВД и стройках других наркоматов СССР. Предлагалось срочно провести медицинское освидетельствование лагерного контингента на предмет определения пригодности к физическому труду. Устанавливались три группы работоспособности: годен без ограничения, ограничено годен, не пригоден (инвалид). Отправке в места назначения в первую очередь подлежали те, кто до войны имел строительную специальность. Прибывших ждали трудовые лагеря, о непрятательности и простоте которых уже было сказано выше. В директиве четко оговаривалось, что рабочий день военнопленного не должен превышать 8 ч, в месяц предоставляется не менее трех выходных, заработка плата выдается на руки только через администрацию лагеря с учетом вычетов за содержание, а оплата за выполненную работу производится согласно расценок, установленных для рабочих СССР в том или ином климатическом поясе [102].

Однако тяжелый физический труд за пределами лагеря в годы Великой Отечественной войны еще не получил широкого распространения. Видимо этим обстоятельством, усиленным элементом пропаганды, объясняется столь благоприятный характер заявления группы военнопленных генералов и офицеров от 8 ноября 1944 г. В заявлении говорилось: «На протяжении почти двух лет мы имели возможность познакомиться с различными лагерями... Работа военнопленных на вредных производствах не допускается. Рабочий день длится обычно 8–9 ч; в воскресенье, как правило, не работают. Состояние здоровья военнопленных вполне хорошее. Военнопленные, работающие на русских предприятиях, получают специальные, часто довольно значительные продовольственные пайки» [103]. Документ подписали: генерал-лейтенант Эдлер Фон Даниельс, генерал-лейтенант Хельмут Шлеммер, генерал-лейтенант Винцент Мюллер, генерал-майор Отто Корфес, а также шесть офицеров в звании от обер-лейтенанта до полковника.

После окончания войны пленных стали широко использовать на строительстве промышленных объектов, больничных корпусов, жилых и административных зданий, восстановлении разрушенных шахт, прокладке автомобильных и железных дорог, на лесоповале. Без несчастных случаев на производстве, в том числе

и смертельных, не обходилось. Допускалось и привлечение пленных к работе с вредными условиями труда. Тех, кто пытался уклониться, переводили на пониженную норму питания. В местах строек появились лагеря «для содержания особой категории военнопленных». Лиц, отнесенных к этой категории, нередко доставляли в зону строительства, еще не оборудовав приспособленных помещений для жилья. Согласно приказу МВД СССР № 0411 от 8 июля 1948 г. на реконструкцию гидрооружий Волго-Балтийского водного пути в район Вытегры планировалось направить в августе — 4 тыс., в сентябре — 4 тыс., до 15 октября — 3 тыс. человек [104]. Между тем комиссия, командированная в места предполагаемых работ, вынесла заключение о неготовности управления «Вытегорстроя» МВД СССР к приему и размещению такого количества военнопленных в условиях предстоящей зимы» [105].

В мирное время в местностях с благоприятным климатом создаются лагерные подсобные хозяйства. За счет организации таких хозяйств руководство МВД СССР пыталось прежде всего решить острую проблему рентабельности лагерей. К примеру, только за шесть месяцев 1948 г. в подсобных хозяйствах Вологодской области было выращено 175 голов крупного и 85 голов мелкого рогатого скота, 47 лошадей и 125 свиней. В ходе весеннего сева было засеяно яровых на площади 313 га, картофеля — 119 га, овощей — 52 га и кормовых корнеплодов — 11 га [106].

Нельзя не упомянуть и о такой разновидности лагерного труда, как научно-техническое творчество немецких изобретателей, ученых из числа гражданских лиц, но тем или иным причинам оказавшихся в советском плену. Так, начальник одного из лагерей в письме на имя генерал-лейтенанта А. З. Кобуроваставил вопрос о досрочном освобождении четырех немецких инженеров. Имелись в виду авторы работ: Побель Герберт, «Новая сверхскоростная железная дорога «Красная молния», Вейнцирль и Гейнц «О назначении веса электронов», Аминг Либе «Двигатель внутреннего сгорания с ротативными колбами»* [107].

**Нормы выработки на одного человека
в 1-м квартале 1948 г.**

Лагерь	План, руб.	Факт, руб.-коп. (%)
150	10	10-52 (105,2)
158	12	13-51 (112,5)
437	11	1368 (124,3)

Принципиальное значение имеет вопрос о том, насколько производительным был труд военнопленных в СССР. В последнее время в публицистических очерках и статьях можно встретить утверждение о его крайней неэффективности в силу принуди-

* Так в документе.

тельного характера. думается, не стоит спешить со солью категоричным выводом. Документы, попавшие в поле нашего зрения, свидетельствуют об ином. Немецкие военнопленные, как правило, выполняли и даже перевыполняли установленные для них нормы. В качестве доказательства можно привести данные хотя бы по трем лагерям [108].

Вообще назрела необходимость в специальном исследовании, которое бы объективно и беспристрастно дало ответ на вопрос о вкладе многотысячного отряда немецких и других иностранных военнопленных в восстановление разрушенного войной народного хозяйства СССР. Не секрет, что в исторической литературе у нас на этот счет нет никаких сведений. Будет справедливо при оценке трудовых достижений тех или иных отраслей промышленности, в которых использовался труд военнопленных, делать оговорку, что такой-то процент от общего объема выполненных работ падает на лагерный контингент. Трудовой подвиг советского народа в годы военного лихолетья и послевоенной разрухи от этого нисколько не померкнет, а вот избежать разного рода инсинуаций позволит.

Медицинское обслуживание военнопленных

Проблема медицинского обслуживания немецких военнопленных в СССР, видимо, рано или поздно примет дискуссионный характер. Дело в том, что в довольно широком спектре оценок и выводов, сделанных зарубежными историками, можно встретить утверждение: раненые и больные военнослужащие Германии были лишены в советском плена элементарной медицинской помощи, тысячами умирали от дистрофии и инфекционных заболеваний. Гораздо более сдержанную картину рисуют наши архивные документы и свидетельства очевидцев. Однако не будем опережать события и обратимся прежде всего к начальному периоду войны.

Уже через несколько дней после гитлеровского вторжения стало ясно, что концепция ведения войны «малой кровью» не оправдывается. Наоборот, обильно лилась кровь с нашей стороны, медсанбаты и полевые госпитали были переполнены ранеными. В такой критической обстановке Совнарком СССР утвердил в «Положении о военнопленных» следующий пункт: «Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии» [109]. Санитарное управление РККА во главе с Е. И. Смирновым поспешило подготовить на этой принципиальной основе соответствующие инструкции, которые были доведены до сведения санитарных отделов фронтов и армий. 20 июля 1941 г. заместитель начальника у устройства тыла и снабжения Генштаба РККА и начальник Санитарного управления РККА подписали директиву, в которой предлагалось не задерживать раненых солдат и офицеров противника в медицинских частях и учреждениях войскового и армейского районов, а немедленно эвакуировать

их в тыл. Именно этой директивой было положено начало организации специальных госпиталей для военнопленных. Каждый военный округ должен был развернуть один такой госпиталь. Охрану же находящихся в них вражеских солдат поручалось обеспечить комендантом городов, а там, где таковых не было — начальникам гарнизонов [110].

Пока войска вермахта победной поступью шли по нашей земле, число раненых и больных военнопленных было невелико. Так к 10 августа 1941 г. в госпиталях Московского военного округа содержалось 22 человека. Северо-Кавказский военный округ докладывал о наличии на лечении всего двух немецких солдат. А если судить, к примеру, по донесениям из Ташкента и Новосибирска, то получается, что в соответствующих военных округах раненых и больных неприятельской армии не было вовсе [111].

Ситуация в корне изменилась с переходом стратегической инициативы в руки командования Красной Армии. Требование директивы от 20 июля 1941 г. не задерживать раненых и больных военнопленных в войсковом и армейском районах оказалось практически невыполнимым и ряд госпиталей фронтового подчинения пришлось перевести на обслуживание противника. В ноябре 1944 г. Главное военно-санитарное управление дополнительно выделило на эти цели свыше 61 тыс. штатных коек [112]. Кроме того, возникла необходимость существенно увеличить количество спецгоспиталей, передать их в распоряжение НКВД СССР и поручить охрану раненых военнопленных конвойным войскам этого ведомства. В результате только на территории Вологодской области, входившей в состав Архангельского военного округа, приступило к работе четыре лечебных учреждения соответствующего назначения. Наконец, в марте 1945 г. при ГУПВИ НКВД был создан специальный санитарный отдел, который возглавил генерал-лейтенант медицинской службы Я. М. Зетилов.

На завершающем этапе войны количество раненых и больных военнопленных стало увеличиваться буквально с каждым днем. Если на 15 января 1945 г. в медицинских частях и учреждениях, к примеру, 2-го Белорусского фронта находилось 155 немецких солдат и офицеров, то уже к 20 февраля — 5134, к 15 марта — 7763, а к 20 апреля была зафиксирована цифра 14178 человек [113]. Изменившаяся обстановка неизбежно повлекла за собой появление новых форм организации медицинской помощи. Так, в марте 1945 г. командование приняло предложение начальника санитарного управления фронта К. М. Жукова развернуть в ходе боевой операции госпиталь-лагерь на 20 тыс. мест. О характере и некоторых сторонах предстоящей работы весьма красноречиво свидетельствует произведенный расчет сил и средств. Для обслуживания пленных немцев планировалось выделить: батальон охраны; 20 грузовых машин; 30 тыс. метров пригодного на перевязки материала; 20 тыс. пар белья; необходимый комплект кухонной и столовой посуды. Кроме того, предлагалось усилить оперативную группу СМЕРШ при эвако-

приемнике и направить в распоряжение госпиталя-лагеря политработников, владеющих немецким языком [114].

Впрочем, такая заблаговременная подготовка к медобслуживанию противника проводилась не всегда. После взятия Кенигсберга войсками 3-го Белорусского фронта выяснилось, что санитарное управление фронта не способно организовать массовый прием раненых: не были своевременно выделены для этих целей личный состав, материальные средства для развертывания госпиталей. Между тем в медицинской помощи нуждалось более 10 тыс. человек [115].

После капитуляции Германии согласно отчетам с мест во фронтовых госпиталях находилось 120 тыс. немецких военнопленных. Почти в каждом госпитале наблюдалась значительная перегрузка. В такой ситуации очень кстати оказалось поступившее из Москвы распоряжение: «Весьма срочно. Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин разрешил передачу из госпиталей Красной Армии местным органам власти военнопленных немцев-инвалидов, не нуждающихся в дальнейшем госпитальном лечении, неспособных к физическому труду. Приступите немедленно к передаче указанных контингентов» [116]. Это распоряжение начальник санитарного управления 1-го Белорусского фронта А. Я. Барабанов переадресовал своим подчиненным 4 июля 1945 г., а уже к 22 июля местным органам самоуправления было передано 2346 человек [117]. То же самое делалось госпиталями других фронтов, расквартированных на территории Германии. Одновременно санитарное управление группы советских оккупационных войск в Германии, которое возглавил генерал-лейтенант медицинской службы М. М. Гурвич, проделало большую работу по отправке в СССР 100 тыс. бывших солдат вермахта. Согласно плану медико-санитарного обслуживания производился отбор главным образом тех, кто был способен к физическому труду. На каждый эшелон выделялся вагон-изолятор, который обслуживали один врач и один фельдшер [118].

В послевоенный период центр тяжести медицинского обеспечения немецких военнопленных постепенно перемещался на территорию СССР. Изменяется и сам характер работы: хирургические операции в сравнении с терапевтическим лечением составляют незначительный процент и связаны прежде всего с хирургическими вмешательствами по поводу трудовых и бытовых травм, членовредительства, язвы желудка, аппендицита и т. п. Гораздо чаще в лагерях можно было встретить страдающих терапевтическими и инфекционными заболеваниями, среди которых от 70 до 85% падало на туберкулез. К примеру, в спецгоспитале № 3739 в первом полугодии 1947 г. причиной смерти 52 военнопленных в 44 случаях являлась открытая форма туберкулеза [119].

В высшей степени актуальным представляется вопрос о том, насколько добросовестно исполняли советские медики свой профессиональный долг в отношении немецких военнопленных. Действительно, не чуждое людям в белых халатах чувство законной нена-

висти к врагу, может породить определенные сомнения на этот счет. Тем более, что оснований для такой ненависти было достаточно. Гнев и возмущение, особенно в медицинских кругах, вызвала расправа фашистских летчиков над госпитальным судном «Сибирь» с ранеными красноармейцами, женщинами и детьми на борту. Подробности этого чудовищного преступления были опубликованы в печати в августе 1941 г. Окончательно рассеялись иллюзии по поводу того, что Германия будет безоговорочно соблюдать Женевскую конвенцию о раненых и больных. В контексте сказанного становится понятной озабоченность начальника тылового госпиталя П. В. Угрюмова, коллектива которого перешел на обслуживание немецких военнопленных. «Внезапный переход к необычной работе потребовал перестройки сознания людей на необходимость добросовестного лечения врагов, причинивших столько горя и страданий нашей Родине», — писал он в своем отчете [120].

Как бы ни трудно проходила психологическая ломка, гуманизм и милосердие все равно брали верх. Валентина Тимофеевна Миленина, в годы войны начальник медицинской части госпиталя в поселке Камешково под Суздалем, вспоминает с каким глухим ропотом воспринял коллектив приказ о том, что с завтрашнего для личный состав будет обеспечивать лечение пленных из армии Паулюса. Но уже через несколько часов медики этого госпиталя делали буквально все, чтобы спасти вражеских солдат от свирепствовавшего тифа. При этом тяжело заболели врачи Лидия Соколова и Софья Кисилева, сама Валентина Тимофеевна, медицинские сестры, переводчик Арон Рейтман. Несколько человек из медперсонала погибли от тифа [121].

Подвергая себя смертельной опасности, действовала группа медиков во главе с начальником полевого эвакопункта Н. П. Лидовым. После капитуляции гитлеровских войск под Сталинградом Военный совет 64-й армии поручил этой группе разыск раненых, обмороженных и больных тифом немецких солдат. Обессилевшие они были обречены на смерть в разрушенных зданиях города. Более 9 тыс. человек все же удалось разыскать и разместить в госпиталях. Спасая военнопленных, 16 наших медиков погибли, что лично удостоверил немецкий генерал Отто Корфес [122].

Можно привести и другие свидетельства из стана противника. Уроженец Левенберга Герхард Шенеман писал: «Я очень ослаб в результате болезни, и мне было сделано два вливания крови, которую дала медсестра. Я почти не верил, что советская девушка дала свою кровь, чтобы спасти военнопленного, солдата нацистской армии, которая опустошила и ограбила ее страну, убивала советских граждан и советских военнопленных. Я не думаю, чтобы какая-нибудь немка-медсестра когда-нибудь давала свою кровь, чтобы спасти жизнь русского военнопленного» [123].

Несомненно самое благотворное влияние на ход лечебного процесса оказывало то обстоятельство, что к медицинскому обслуживанию своих соотечественников привлекались немецкие врачи. Это

снимало возможные барьеры непонимания между лечащим и больным, позволяло общими усилиями более точно поставить верный диагноз. Кроме того, пленные из числа рядового состава нередко использовались в качестве санитаров. Естественная для каждого больного стеснительность при некоторых неприятных процедурах, таким образом, сводилась к минимуму.

Косвенным подтверждением того, что подавляющее большинство советских медиков честно исполняло свой профессиональный долг по отношению к военнопленным, можно считать служебные характеристики личного состава госпиталей. О санитарке спецгоспиталя № 1825 Татьяне Алексеевне Мироновой сказано: «За весь период работы не имеет ни одного замечания. Пользуется большой любовью и уважением среди тяжелобольных» [124]. Подобные характеристики не единичны. К сожалению, встречались факты бездушного отношения к пациентам. Так, врач амбулатории при лагере № 193 некто Черенанова грубо обращалась с больными, даже допускала рукоприкладство. Видимо только нехваткой медперсонала объясняется то, что мерой взыскания для такого «врача» послужило предупреждение [125].

Архивные документы, среди которых следует выделить медицинские отчеты начальников спецгоспиталей, недвусмысленно свидетельствуют: обеспечение военнопленных лечебными процедурами, лекарственными препаратами, питанием осуществлялось по тем же самым нормам, что и военнослужащих Красной Армии. Вот несколько примеров. В декабре 1944 г. в спецгоспиталь № 1825 поступило 445 немецких военнослужащих, в основном больных. Все прибывшие прошли соответствующую санобработку, предусмотренные специальной инструкцией прививки. Нуждающиеся регулярно пользовались такими физиопроцедурами, как кварц, солюкс, диатермия, торфолечение. Было сделано 17 хирургических операций, 368 человек прошли рентгеноскопию [126].

Исключительно тяжелый контингент поступил в августе 1944 г. в дислоцировавшийся на Украине госпиталь № 3296. В отчете говорится: «...Через санитарную обработку прошло 5000 немецких военнопленных. Из них 25% тяжелобольных. У поступивших отмечается 100% завшивленность, у 50% отмечены черви в ранах» [127]. Тем не менее, медики постарались сделать максимум возможного для лечения раненых и больных. Было сделано 75 операций, прооперированым проводилось переливание крови. Регулярно делались перевязки и другие процедуры, больные своевременно получали лекарства. В документе отмечается: «Снабжение медикаментами в течение отчетного месяца проходило нормально... Перебоев в продуктах питания не было. Меню составлялось ежедневно. Питание проводилось по четырем столам» [128].

Объективности ради следует сказать, что в госпиталях фронтового подчинения, занятых обслуживанием военнопленных, лечебный процесс нередко страдал из-за отсутствия медикаментов, случались перебои с доставкой продовольствия. Нормы нормами, но

предпочтение в условиях дефицита того и другого, службы тыла по вполне понятным причинам отдавали госпиталям, в которых находились наши бойцы.

В более благоприятное положение попадали военнопленные, очутившись в спецгоспиталях тылового района. Здесь нормы питания больных, утвержденные специальным приказом Наркома внутренних дел СССР, в основном выдерживались. Находящиеся на излечении ежедневно должны были получать: хлеба ржаного — 400 г, хлеба пшеничного 72%-ного помола — 200 г, круп разных — 70 г, макаронных изделий — 20 г, мяса — 80 г, рыбы — 50 г, жиров животных и растительных — 30 и 10 г, картофеля — 300 г, овощей разных — 200 г, молока свежего — 200 г [129]. Кроме того, при многих тыловых госпиталях, перешедших на обслуживание военнопленных, имелись подсобные хозяйства, что являлось существенной прибавкой к рациону больных.

Особого внимания заслуживает вопрос о смертности немецких военнопленных. Ссылаясь на зарубежные источники, известный немецкий писатель Генрих Белль приводит следующие данные: смертность среди военнослужащих вермахта в советском плену колебалась в пределах 35,2—37,4 %, что в абсолютных цифрах составляет от 1100 тыс. до 1185 тыс. [130]. Цифра несомненно завышена. Историк В. П. Галицкий в результате своего исследования пришел к выводу, что за период с 22 июня 1941 г. по 23 декабря 1956 г. в советском плену умерло 580548 немцев, японцев, венгров, румын, австрийцев и представителей других национальностей [131]. Не исключено, что источники НКВД—МВД СССР, на которые опирался В. П. Галицкий, в свою очередь занижали процент летального исхода. К такому заключению можно прийти, обратившись опять же к медицинским отчетам начальников госпиталей. Так, в отчете спецгоспиталя № 5091 говорится: «... Все военнопленные из лагеря 158 пребывали в крайне истощенном состоянии. 14 января 1945 г. поступило 258 человек, умерло 90 человек. Прибыло 10 февраля 100 человек, умерло 62. Прибыло 17 февраля 20 человек, умерли все. Высокий процент смертности объясняется тем, что лагерь направлял наиболее тяжелых дистрофиков, у которых болезнь перешла уже в необратимую форму.» [132]. Увы, подобных отчетов было немало.

Гораздо хуже, чем в спецгоспиталях, было поставлено медицинское обеспечение и питание военнопленных в ходе эвакуаций в тыловые районы. На этот счет командованием Красной Армии и НКВД СССР были приняты специальные приказы и директивы, в частности, приказ начальника Тыла Красной Армии «Об устранении недочетов в эвакуации военнопленных и их обеспечении». Тем не менее, высокая смертность при многокилометровых и продолжительных эвакоперевозках была не редкостью. В акте приемки раненых немецких солдат, прибывших в одном из эшелонов с территории Германии в Череповец, отмечается: «... Поступившие 74 человека находятся в очень тяжелом состоянии, а именно — военнопленные не могли держаться на ногах, падали, один был принят уже

умершим, четверо других умерли в течение ночи. Сразу же было предположено, что многие из них в ближайшее время скончаются» [133].

Думается что окончательно делать какие-либо выводы о масштабах смертности немецких военнопленных в СССР пока еще рано. Необходимо дальнейшее освоение фактологического материала, **сравнительный анализ данных самых различных источников**. Видимо, свое слово должны сказать военные статистики, специалисты в области медицины. Наконец, трудно переоценить ту пользу, которую может принести профессиональное сотрудничество советских и зарубежных исследователей в разрешении как этого принципиального вопроса, так и проблемы немецких военнопленных в СССР в целом.

Оперативно-розыскная работа и осведомительная сеть в лагере для военнопленных

Еще 8 октября 1939 г. согласно директиве Л. П. Берия, во всех лагерях, где к тому времени находились тысячи польских солдат и офицеров, были созданы «особые отделения по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных». Предназначались они для **выявления «контрреволюционных формирований и освещения настроений»** обитателей лагерных бараков. В этих же целях из числа находящихся за колючей проволокой, а также из охраны и лагерной obsługi подбирались осведомители [134]. Одним словом определенный опыт работы у сотрудников оперативно-чекистских отделений к началу Великой Отечественной войны уже был. Правда, задачи стали несравненно сложнее, что потребовало привлечения дополнительных сил. В начале 1943 г. из органов армейской контрразведки в лагеря военнопленных пришло немало опытных работников.

Среди тех, кто попадал за колючую проволоку, были носители важной информации — военно-стратегической, политической, тактической, экономической, технической. Это могли быть работники генштаба, сотрудники гестапо и служб безопасности, командированные в расположение немецких частей представители министерства иностранных дел и государственного аппарата третьего рейха. Необходимо было детально выявить связи таких пленных, осуществить проверку и обработку полученных от них сведений. Так, научная экспертиза секретных математических расчетов, изъятых у одного из пленных немцев, позволила сделать вывод, что в Германии идет работа по изготовлению атомной бомбы*. А вот что пишет о первых днях своего пребывания в лагере уже упомянутый Отто Рюле: «В самом начале каждому немецкому пленному выдали анкету

* См. об этом: Чиков В. П. Как советская разведка «расщепила» американский атом // Новое время. — 1991. — № 16.

ту со множеством вопросов. Иногда чья-нибудь анкета интересовала представителя НКВД, и тогда пленного приглашали на особые беседы... Как я успел заметить, НКВД интересовался прежде всего офицерами разведки, высших штабов или же частей, которые совершили какие-нибудь преступления» [135].

Тщательно скрывали свое прошлое виновники гнусных злодействий на советской земле. Эти лица, как впрочем и все обитатели лагерных бараков, были прекрасно осведомлены о том, что согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к злостным фашистским преступникам может быть применена смертная казнь через повешение. Не мог пройти незамеченным и судебный процесс в Харькове в декабре 1943 г. Военный трибунал 4-го Украинского фронта рассматривал дела палачей из СД и гестапо, пытавших в истреблении свыше 30 тыс. советских граждан. Четыре нацистских преступника были приговорены к высшей мере наказания. Вовсе не случайно в Сузdalском лагере упорно выдавал себя за рядового Райнера унтерштурмфюрер СС Вольфганг Деринг. Будучи разоблаченным, он цинично заявил на допросе: «Вы обвиняете меня в убийстве людей? Это ложь. Людей я не убивал. Я уничтожал недочеловеков, главным образом -- евреев и вспоминаю об этом с гордостью. Жалею об одном -- мало уничтожил» [136].

Вместе с Вольфгангом Дерингом содержался в лагере и полковник барон Эдуард фон Заес. Был он «душой общества», не гнушался работой в столярных и портновских мастерских, активно участвовал в концертах самодеятельности. Распознать его истинное лицо сотрудникам оперативно-чекистского отделения тогда не удалось. Позже стало известно, что барон, исполнняя обязанности коменданта города Великие Луки, руководил казнями пленных красноармейцев, приказывал сжигать дома вместе с запертыми в них советскими людьми, не считал зазорным лично покончить с очередной жертвой. Состоявшийся суд вынес убийце и карателю самый суровый приговор [137].

В адрес оперативников постоянно поступала информация из Москвы, требующая особой проверки. Так, «компетентные органы» чрезвычайно заинтересовал бывший подполковник германской армии Либе Ашонд Мартин. В связи с этим в лагерь № 437 поступила следующая ориентировка: «... Разыскивается бывший начальник штаба 206-й пехотной дивизии подполковник Либе (других данных нет), которому известны подробности о разведывательной деятельности отдела «1-Ц» 206-й пехотной дивизии. Не исключена возможность, что установленный в лагере № 437 подполковник Либе А. М. является интересующим нас лицом» [138]. Конечно же, после получения такого документа названному военнопленному было уделено особое внимание.

Довольно часто для более эффективного и всестороннего расследования фактов преступной деятельности тех или иных военнопленных их препровождали из одного лагеря в другой. Так, по указанию центра в распоряжение управления НКВД по Ленинградской об-

ласти был отконвоирован обер-лейтенант Хартлеб Карл Фридрих. Командир первой батареи 36-го артиллерийского полка был в числе организаторов и активных участников варварского обстрела города на Неве [139].

Нелегкая и кропотливая работа по выявлению нацистских преступников продолжалась и после окончания войны. Не без участия сотрудников оперативно-чекистских отделений лагерей для военно-пленных в декабре 1945 г. – январе 1946 г. суду было предано 85 нацистских преступников, чьи дела слушались в открытом судебном заседании в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Брянске и других городах. Вершилось справедливое возмездие ...

Уже в ходе первой демобилизации, начавшейся в июле 1945 г., ряды органов НКВД стали пополнять бывшие фронтовики. Укрепляли за их счет и оперативно-чекистские отделения лагерей для военно-пленных. Однако, располагая боевым опытом, новички слабо знали специфику предстоящей работы. Утвержденный начальником ГУПВИ НКВД СССР тематический план курсов оперативного состава был рассчитан на 110 часов и включал в себя следующие разделы программы:

1. Организация режима и охраны в лагере.
2. Особенности агентурно-оперативной работы в лагере.
3. Организация агентурно-оперативной работы в лагере.
4. Агентурно-оперативная работа по борьбе с побегами, саботажем и другими вражескими проявлениями.
5. Выявление агентуры и гласных сотрудников разведывательных органов противника.

В частности, 3-й раздел программы предусматривал изучение таких вопросов, как способы вербовки агентов, методы вызова военно-пленных на вербовку и мероприятия в случае ее срыва, меры поощрения агентов в условиях лагеря и опасность расшифровки при этом агентурной сети и т. д. [140]. Понятно, что после прохождения таких курсов вчерашние фронтовики чувствовали себя гораздо увереннее. К сожалению, нет возможности рассказать о работе агентов и их подготовке. Документы подобного рода до настоящего времени несут на себе гриф секретности.

Серьезные трудности при проведении оперативных мероприятий вызывала нехватка военных переводчиков. Открытые в годы войны факультет и краткосрочные курсы при Втором Московском педагогическом институте иностранных языков и даже созданный в 1942 г. Военный институт иностранных языков только частично уменьшили остроту проблемы. Практика показала, что уровень профессионализма выпускников далеко не всегда отвечает предъявляемым требованиям. Между тем, каждый переводчик обязан был отлично знать организацию немецкой армии, свободно разбираться в личных документах солдат и офицеров вермахта, квалифицированно владеть техникой допросов пленных. При этом он не имел права забывать, что «является одновременно разведчиком» «должен сосредотачивать внимание на главном и основном» [141].

Выявить военного преступника, сотрудника германской разведки, да и любого другого пленного, скрывающего свое подлинное лицо, только путем допроса, пусть даже с привлечением опытного переводчика, очень и очень сложно. Нужны факты, малозначительные, на первый взгляд, детали из личной биографии подозреваемого, чтобы добиться успеха. То, что пленный по вполне понятным причинам утаил на допросе, он может случайно обронить в быту, в доверительной беседе с кем-то из своих единомышленников. Вот почему в каждом лагере создавалась тщательно законспирированная сеть. Кроме того, через нее администрация лагеря узнавала о настроениях среди военнопленных, готовящихся побегах, провокационных выпадах и иных неблаговидных действиях и намерениях. Наконец, нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что штат оперативно-чекистских отделений был невелик. К примеру, лагерь для военнопленных офицеров на 5100—7000 человек должны были обслуживать согласно приказу МВД СССР № 00280 от 14 марта 1948 г. всего 12 сотрудников [142]. Охватить такими силами тщательной проверкой и наблюдением столь значительное количество военнопленных без помощи осведомителей практически было невозможно.

Наиболее ценными помощниками были пленные, занявшие антифашистскую позицию, и рассматривавшие работу осведомителя как посильный вклад в борьбу с нацизмом. Бывший начальник оперативно-чекистского отделения лагеря полковник Н. И. Пузырев пишет, что «о настроении и поведении генералов, иногда — об их намерениях и действиях» становилось известно через солдат хозяйственной роты, объединившихся в «хорошо организованную антифашистскую группу» [143]. Так, однажды была предпринята попытка сообщить в Германию местонахождение лагеря, который располагался в Войково. Инициатор этой акции, бывший командир 76-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Роденбург, надеялся таким образом заполучить от соответствующих служб третьего рейха листовки и другие материалы. Им загодя были заготовлены письма в адрес международного Красного Креста, посольство Щвейцарии в Москве и в столицу республики немцев Поволжья город Энгельс. На каждом конверте стояла пометка «немец — немцу». Опустить письма в почтовый ящик проходящих поездов должен был расконвоированный немецкий солдат, какказалось Роденбургу, надежно им «завербованный». Наивная, в общем-то, попытка не увенчалась успехом, ибо об этом сразу же стало известно оперативникам. «Долгое время, — пишет Н. И. Пузырев, — Роденбург ничего не знал о судьбе своих писем. Мы старались выяснить, действует ли он в одиночку или в сговоре с кем-либо из генералов» [144].

Иногда в число осведомителей старались попасть пленные, преследующие явно корыстные цели. Так, в Сузdalском лагере предложил свои услуги ранее сотрудничавший с гестапо Эрих Цильке. Этот «эксперт» по выявлению еврейской крови отправил в газовые камеры не одну сотню человек. Сейчас же он грозился «вывести на чистую воду» Паулюса, если ему будет поручено быть при фельдмар-

шале уборщиком или официантом. В обмен за «помощь» Цильке требовал ни много, ни мало — обещания не привлекать его к суду за прежние грехи. Естественно, что к услугам негодяя прибегать никто и не думал [145].

Наконец, в осведомители шли пленные, надеявшиеся получить за свои услуги какие-либо льготы, прежде всего — в питании. Однако решить эту проблему можно было только за счет других военно-пленных. Попытка узаконить поощрение осведомителей была предпринята в конце января 1945 г. Заместитель начальника ГУПВИ НКВД СССР адресовал наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей страны просьбу выделить на спецпитание дополнительные фонды из местных ресурсов [146].

Осведомители были не только среди пленных, но и среди лагерного персонала, а также в спецгоспиталях. Одной из задач, которую они довольно успешно решали, являлось предотвращение хищений продуктов, обмундирования, медикаментов и прочего имущества. В конечном итоге их эффективная работа способствовала улучшению положения тех же самых военнопленных. Так, в спецгоспитале № 5091 с помощью одного из осведомителей была пресечена преступная деятельность хозяйственника Альтшуллера. Используя свое служебное положение, последний неоднократно выносил с территории больничного городка продукты, предназначенные для общего стола [147].

Достаточно мощной была осведомительная сеть не только в годы войны, но и в послевоенный период. Ее масштабы можно показать на примере лагеря № 158 в Череповце. Общее количество пленных в июле 1947 г. составляло примерно полторы тысячи человек. Число осведомителей к началу месяца — 181, дали согласие на сотрудничество — 3, убыло в другие лагеря — 2, прибыло из других лагерей — 6. Несмотря на командировки работников, нехватку переводчиков, в течение отчетного месяца с помощниками из лагерного контингента состоялось 266 встреч, поступило 197 донесений [148].

Сегодня, когда немало написано о царившей в былье времена шпиономании и всеобщей подозрительности, может возникнуть вопрос: насколько обоснованно функционирование такого многочисленного института осведомителей? Очевидно, что объем оперативно-разыскной работы в послевоенный период не уменьшился. Контрольный совет четырех держав, созданный для осуществления верховной власти в Германии, 20 декабря 1945 г. принял закон, который определил виды и состав военных преступлений. К ответственности привлекались виновники массовых убийств военнопленных и мирных жителей на территории Германии и других оккупированных стран Европы. Все чаще в адрес сотрудников оперативно-чекистских отделений поступают документы примерно следующего содержания: «Прокуратурой Союза ССР подготавливается в Берлине судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками — бывшими ра-

ботниками концлагеря «Заксенхаузен» в Германии.* По имеющимся данным, часть из них находится в лагерях МВД среди военнопленных и свою службу в концлагере «Заксенхаузен» скрывает. В связи с этим разыскиваются...» [149]. Далее перечислялись фамилии и имена преступников, их анкетные данные и справка учетного стола ГУПВИ НКВД СССР на военнопленных, которые предположительно могли скрывать свое подлинное лицо. Так, например, в лагере № 437 проводилась проверка некого Зауэра Карла Августовича. Вскоре с помощью осведомителей удалось выяснить, что никакого отношения к начальнику лагеря «Заксенхаузен» капитану СС Зауэру он не имеет. Однако в оперативно-розыскной работе отрицательный результат — нередко первый шаг на пути к истине. Интенсивный поиск преступника продолжался в других лагерях.

Нельзя забывать и о том, что в послевоенный период среди пленных было еще немало тех, кто по различным мотивам продолжал оставаться непримиримым врагом советского государства. Работая на стройках народного хозяйства и промышленных предприятиях, такие лица были способны на различного рода диверсии. К примеру, весной 1946 г. некто Г. Ф. Гехт вывел из строя растворный узел на кирпичном заводе в Новосибирске. В лагере № 199 немецкие врачи направляли в лазарет мнимых больных и в результате внесли дезорганизацию в выполнение производственного задания [150]. На все эти, на первый взгляд, малозначительные факты можно посмотреть совершенно иными глазами, если вспомнить каких неимоверных усилий стоил СССР каждый послевоенный пуд хлеба, каждая послевоенная тонна металла и угля.

Вместе с сотрудниками оперативно-чекистских отделений осведомители предупреждали факты симуляции и членовредительства, предотвращали планировавшиеся побеги. Наконец, они в немалой степени способствовали нейтрализации усилий подпольных групп, возглавлявшихся профашистски настроенными офицерами, помогали раскрывать преступления, совершенные на территории лагеря и в местах работ.

Использование пленных в спецпропаганде. Формирование антифашистского актива

Уже в самом начале Великой Отечественной войны пленных немецких солдат и офицеров стали привлекать к агитационно-пропагандистской работе среди войск противника. 27 июня 1941 г. появилась первая листовка военнослужащего 222-го полка 75-й дивизии Альфреда Лискофа. Как известно, он в числе первых перебежчиков переплыл Буг и сообщил советским пограничникам о предстоящем нападении Германии на СССР. Однако как эта, так и другие листов-

* Лагерь «Заксенхаузен» являлся школой и центром концлагерной системы, где проходили подготовку офицеры СС и наиболее проверенные младшие чины. Из более чем 200 тыс. узников этого лагеря свыше 100 тыс. человек погибло.

ки начального периода войны, призывающие немецких солдат проявить братскую солидарность с трудовым народом страны Советов, не достигали цели. Нацистская психология глубоко укоренилась в сознании подавляющего большинства немцев. В 1943–1944 гг. среди немецких военнопленных, находившихся в СССР, были проведены социологические исследования. При выяснении побудительных мотивов, которые заставили людей следовать за Гитлером и его кликой, вырисовывалась следующая картина. Более 5% офицеров и 92% опрошенных солдат в анонимной анкете указали, что они были увлечены идеей «национального величия», а 25% офицеров и 48% солдат – идеей реванша. К тому и другому массовое сознание оказалось наиболее восприимчивым. Кроме того, от 50 до 60% опрошенных одобрили ликвидацию безработицы, осуществленную правительством Гитлера. 68% офицеров и 18% солдат в анкете писали, что их привлекла расовая теория нацистов. Наконец, страх перед возможными репрессиями, послушную покорность, конформизм, в качестве побудительного мотива, обратившего опрошенных в «нацистскую веру», назвали 65–70% офицеров и 61–67% солдат [151].

Почти три миллиона солдат и офицеров вермахта состояли членами национал-социалистической партии. То обстоятельство, что на время войны они утрачивали право на членство в ее рядах, сторона чисто формальная, не меняющая существа дела. Между тем политорганы Красной Армии в начале гитлеровского вторжения продолжали находиться под гипнозом известного тезиса: если империалисты развязнут войну против первой в мире страны социализма, то пролетариат напавшей стороны неминуемо повернет оружие против своих же буржуазных правительств. Заместитель начальника Главного управления политропаганды РККА Ф. Ф. Кузнецов в директиве от 11 июля 1941 г. упрекал политработников фронтов и армий в том, что они не выполняют приказ о предоставлении Москве документов, свидетельствующих о пролетарской солидарности германских рабочих с трудящимися СССР. Директива предтагала искать записки и листовки соответствующего содержания в неразорвавшихся немецких бомбах, на колючей проволоке заградительных сооружений и т. д. [152].

Не отличались эффективностью воздействия и первые печатные издания, призванные деморализовать противника. Так, в августовском номере «Солдатской газеты» была помещена фотография трех пленных, усердно читающих советскую прессу на немецком языке. На первой полосе крупным шрифтом набрано: «Два месяца войны уже стоили Германии двух миллионов мужчин» [153]. Думается, в стане противника как идиллическая «картишка», так и чрезмерно преувеличенная информация о потерях могли вызвать в лучшем случае только снисходительную улыбку.

Постепенно качество специропаганды улучшилось. Более броскими, задевающими за живое, стали листовки-обращения пленных к своим войскам. Так, осенью 1942 г. политуправлением Воронежского

фрона в распоряжение врага была переправлена листовка с названием «Письмо могильщика». Ее текст гласил: «Солдаты и офицеры 323-й пехотной дивизии! С 17 июля по 15 сентября я своими руками захоронил на кладбище в Николаевке 620 солдат и офицеров 323-й дивизии. Всего же дивизия потеряла под Воронежем убитыми и ранеными не менее 5 тыс. человек. Вы сами видите, как от рот, батарей, даже полков остаются жалкие остатки. Если так будет продолжаться и дальше, то скоро вся дивизия переселится на кладбище в Николаевке. Во время последних атак русских даже нас, солдат похоронной команды, послали в бой. Зачем эти ужасные жертвы? Подумайте о ваших женах и детях! Кончайте с войной! Переходите в плен! Могу вас заверить, что русские с пленными обращаются по-человечески» [154]. Уже само содержание листовки угнетающее действовало на противника, а фамилия и имя отнюдь не вымышленного солдата похоронной команды не оставляли сомнений в достоверности изложенных в ней фактов.

Политуправления фронтов и армий все чаще стали использовать и такую форму спецпропаганды, как устная газета. На грампластинку записывались рассказы пленных об условиях их жизни в советских лагерях и гуманности советских властей, о строгом соблюдении военным командованием Красной Армии Женевской конвенции. Летом 1944 г. мощное воздействие на окруженнюю западнее Могилева вражескую группировку оказал транслировавшийся через громкоговоритель митинг военнопленных у деревни Озеро. На нем присутствовало более четырех тысяч немецких солдат, острые дебаты длились в течение трех часов. Буквально сразу же после митинга со стороны немцев показались парламентеры. Командиры трех пехотных дивизий и двух пехотных полков решили принять условия капитуляции и добровольно сложить оружие [155].

К сожалению, все усилия по пропаганде добровольной сдачи в плен надолго перечеркивали необдуманные, противоправные действия некоторых командиров частей и соединений. Так, перед командиром одной из дивизий 51-й армии Сталинградского фронта была поставлена задача провести разведку боем. «Он быстро организовал удар и легко смял противника, углубился в его оборону, — вспоминает член Военного совета фронта Н. С. Хрущев, — и даже «перевыполнил» план, хотя мы его предупреждали, чтобы он этого не делал: захватил много пленных и расстрелял их. И потом противник это использовал в целях агитации против нас. Когда мы это узнали, то раскритиковали его. А он отвечает: «А куда я их дену?» [156].

Как можно поступать с пленными в аналогичных ситуациях, выяснилось после разговора командующего Сталинградским фронтом А. И. Еременко с И. В. Сталиным. Нарком посоветовал командующему направить захваченных в плен немецких летчиков обратно к Паулюсу с предложением начать переговоры о капитуляции. Прославившие об этом работники 7-го отдела Главного политуправления РККА быстро сделали соответствующие выводы. На сборных пунктах и в пересыльных лагерях началась подготовка агитаторов из

числа пленных антифашистов, которые затем посылались во вражеские части. Только в июле 1944 г. в район Бобруйского котла было направлено около 200 агитаторов, которые привели с собой 7500 солдат и офицеров вермахта [157].

Еще в октябре 1941 г. в лагере под Рязанью антифашистски настроенные немецкие военнопленные приняли «Декларацию требований германского народа». Разработкой этого документа руководили немецкие коммунисты, в частности, Вальтер Ульбрихт — председатель комиссии Коминтерна по политической работе среди военнопленных. Первоначально декларацию подписали 42 человека, затем еще 116 человек. Поэтому в истории антифашистского движения она стала известна как «Обращение 158». Наша печать довела содержание этого документа до своих читателей. В декларации совершенно правильно, но, видимо, несколько преждевременно делался вывод: «Есть две Германии, между которыми лежит непроходимая пропасть: Германия страдающих манией величия магната, готовых во имя своих эгоистических интересов пожертвовать цветом немецкой молодежи, и Германия немецкого народа, требующего немедленного прекращения войны» [158].

В ноябре 1941 г. в лагерях появилась газета «Дас фрайе ворт» («Свободное слово»), одним из редакторов которой был член политбюро ЦК КПГ Антон Аккерман. Несколько позднее начал выходить еженедельный бюллетень «Жизнь военнопленных в Советской России». На страницах первого издания помещалась информация о положении дел на фронте, воспроизводились публикуемые в советской печати приказы и речи И. В. Сталина, шла пропаганда антифашистских настроений, социалистического образа жизни. Второе издание больше внимания уделяло лагерному быту, участию пленных в общественной жизни и соревнованию на трудовом фронте. Конечно, отношение общей массы военнопленных к подобного рода печати было далеко не однозначным. Кому-то она помогала сделать окончательный жизненный выбор, кто-то начинал терзаться сомнениями, а некоторые не испытывали ничего кроме чувства тяжелой ненависти.

Весной 1942 г. на базе Оранского лагеря в Горьковской области была создана первая антифашистская школа, которая затем была переведена в Красногорск. В беседе с начальником отдела спецпропаганды Главного политуправления РККА М. И. Бурцевым член ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский так сформулировал ее основную цель: «В школе будут обучаться пленные, которые после войны смогут стать политическими организаторами и пропагандистами в своих освобожденных от фашизма странах... Теоретическую, марксистско-ленинскую подготовку они получат в школе, а практическую закалку, испытание в антифашистской борьбе — на фронте, в лагерях для военнопленных, в рабочих батальонах» [159].

Первый набор был немногочисленным и составил всего 60 пленных. В течение трех месяцев курсанты антифашистской школы изучали такие разделы программы: правда о Гитлеровской Германии; Советский Союз — страна социализма; вторая мировая война и не-

избежность поражения Германии; основные понятия об обществе и государстве. В числе преподавателей были такие известные немецкие коммунисты, как Гейнц Гофман, Герман Матерн, Эдвин Гернле, Рудольф Линдау. За время войны антифашистскую школу в Красногорске, которая впоследствии стала Центральной, и Центральные антифашистские курсы на базе Южского лагеря в Горьковской области закончили 5 тыс. человек [160]. Среди выпускников можно встретить тех, кто в будущем займет ответственные государственные и военные посты в новой демократической Германии. Так, Г. Кесслер стал заместителем министра национальной обороны ГДР, Ф. Шефлер — контр-адмиралом ВМС ГДР, Л. Штейдле — министром здравоохранения ГДР.

Немецкие коммунисты-политэмигранты не только вели занятия в антифашистских школах, но и работали в лагерях инструкторами по массово-политической работе. При их активном участии только в 1942 г. в 11 лагерях состоялось 250 собраний и митингов, прочитано более тысячи лекций и докладов. Под влиянием опытных пропагандистов 2 января 1943 г. пленные из лагеря № 98 обратились с письмом к И. В. Сталину. Суть посложения заключалась в просьбе разрешить формирование антифашистского корпуса для «открытого боя с гитлеровской военной машиной, чтобы восстановить честь немецкого народа» [161].

Значительным событием, горячо обсуждавшимся среди военно-пленных, стало создание Национального комитета «Свободная Германия». Утвердилось мнение, что в данном случае инициатива исходила от немецких коммунистов-политэмигрантов и тех «комитетов борьбы», которые уже действовали во многих лагерях. Однако ясно, что разрешение на организацию Национального комитета могло поступить только сверху. В начале 60-х гг. сотрудник Центрального партархива И. Г. Кабин, занимавшийся в аппарате ЦК ВКП(б) во время войны германскими проблемами, поведал А. С. Бланку следующую историю. Как-то в июне 1943 г. в кабинете начальника Главного политуправления РККА А. С. Щербакова раздался звонок. Отчетливо было слышано голос Сталина: «Товарищ Щербаков, немцам пора создать свой антифашистский комитет на широкой основе! Уже пора. Дайте указания и предоставьте необходимые средства для этого» [162].

Через несколько дней на митинге в Красногорском лагере был сформирован Подготовительный комитет учредительной конференции по объединению антифашистских сил. 12–13 июля в клубе одного из заводов под Москвой, неподалеку от станции Навшино, встретились делегаты из различных лагерей и немецкие политэмигранты — депутаты рейхстага и писатели. Собравшиеся избрали Национальный комитет «Свободная Германия» во главе с поэтом-коммунистом Эрихом Вайнертом. Одновременно был принят манифест, в котором давалась оценка военно-стратегического и внутриполитического положения Германии и выдвигались требования: отмена

расистских законов и законов против национальных меньшинств; восстановление профсоюзов; конфискация имущества зачинщиков войны; справедливый и беспощадный суд над ее виновниками. В качестве важнейшей задачи было провозглашено создание подлинно национального немецкого правительства, которое «возникнет в результате освободительной борьбы всех народных слоев» [163]. Однако слабость антифашистских сил в самой Германии делала в тот период выдвинутую программу утопической.

Как отмечает Александр Берт, известие о создании Национального комитета «Свободная Германия» вызвало за рубежом неоднозначную реакцию: «Поползли слухи, что русские готовятся заключить сепаратный мир с Германией, может быть, даже с самим Гитлером... Молотов заверил посла Великобритании, что все это делается, дабы породить смятение среди немецких солдат и народа и тем самым уменьшить сопротивление, чего пропаганда типа «эрнбурговской» явно не достигала. Однако тот факт, что решение о создании комитета «Свободная Германия» было принято в одностороннем порядке, без каких-либо консультаций с союзниками, вызвал, во всяком случае, на какое-то время большие сомнения у недоброжелательных людей за границей» [164].

Видная роль в появлении еще одной организации военнопленных принадлежит председателю ЦК КНГ Вильгельму Пику. Те десять дней, что он провел в Сузdalском лагере в июне 1943 г., не пропали даром. В конце августа в этом лагере возникла инициативная группа по созданию «Союза немецких офицеров». 11–12 сентября более 100 делегатов от офицерских лагерей объявили целью новой организации борьбу против гитлеризма и формирование правительства, облеченного доверием народа. Президентом «Союза немецких офицеров» стал генерал Вальтер фон Зейдлиц.

Переход пленных на антифашистские позиции в лагерях офицерского состава шел нелегко. Существовавшие за колючей проволокой подпольные центры из числа ревностно преданных слуг нацизма были способны на любые угрозы и гнусные провокации в отношении инакомыслящих. «Недостаток гражданского мужества, политическая неграмотность и другие наследия прошлого, — вспоминает бывший военнопленный полковник 6-й германской армии Вильгельм Адам, — мешали и мне следовать своей совести и активно присоединиться к «Союзу немецких офицеров» [165]. Однако, несмотря на все препоны, к концу войны число членов вышеизменной организации достигло почти 4 тыс. человек [166].

Согласно приказу НКВД СССР за № 001 от 11 января 1945 г. руководство антифашистской работой в лагерях было передано в руки оперативно-чекистских отделений. В помощь им передавались все лагерные политработники за исключением замполита и одного инструктора [167]. Скорее всего, такое решение было вызвано стремлением усилить режим секретности антифашистских школ и курсов, которые в послевоенный период преследуют все более далекие идущие цели. Начальник ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант Т. Ф. Филиппов и

начальник антифашистского отдела при политотделе ГУПВИ полковник И. К. Приходько доводили до сведения подчиненных: «В июне 1948 г. будет произведен набор учащихся для спецобъекта № 42 с расчетом подготовки из набранных антифашистов руководящих работников государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий советской зоны оккупации Германии» [168]. Стать учащимся такой школы можно было только на основе довольно жесткого отбора. **Первоочередное право на обучение получали:** рабочие и крестьяне-бедняки; лица, отстраненные в Германии от работы за свои антифашистские убеждения; солдаты и офицеры вермахта, добровольно перешедшие на сторону Красной Армии; военно-пленные, активно проявившие себя на общественно-политической работе в лагере. Отбирались кандидаты не моложе 45 лет, физически здоровые и имеющие за плечами уже законченные лагерные или областные антифашистские курсы. Доступ в школу центрального подчинения был закрыт ранее состоявшим в фашистской партии и кадровым офицерам вермахта, многократно удостоенным фашистских наград. Наконец, не менее 2/3 кандидатов должны были до войны проживать в советской зоне оккупации Германии [169]. Одним словом, в школе центрального подчинения готовились кадры, которым в ближайшем будущем предстояло стать руководителями промышленно-государственных структур такой Германии, какой она виделась советскому государству.

Отдавая должное благородным целям и задачам антифашистской работы, нельзя не видеть, как погоня за массовостью вела к пополнению антифашистских рядов людьми с далеко не сформировавшейся идейной позицией. Главная цель, которую они преследовали, заключалась в том, чтобы своей «активностью» заслужить право поскорее вернуться на родину. «О «тайных» устремлениях таких пленных не могла не знать лагерная администрация и, тем не менее, довольно часто поощряла процесс формирования липовой армии «борцов» за правое дело. Более того, для слушателей антифашистских школ и курсов вводились повышенные нормы питания. Порой дело доходило до курьезов. Начальник управления лагеря № 158 лично брал с пленных заявления с выражением готовности «вступить в интернациональную бригаду для борьбы с ненавистным фашизмом, как только потребуется». На дворе стоял август 1946 г... Даже многое повидавшее на своем веку вышестоящее руководство было сражено и потребовало объяснить, для каких целей принимаются подобные заявления [170]. На этом примере не стоило бы заострять внимания, не существуй до сего дня идеализация всех массовых движений и начинаний прошлого. У прошлого есть чему поучиться, но и извлекать уроки из ошибок прошлого тоже необходимо.

Заключение

Пять десятилетий прошло с того времени, когда началась Великая Отечественная война — без преувеличения самое трагическое событие нашей истории, круто изменившее судьбы многих миллионов людей, принесшее неисчислимые бедствия. За истекшие полвека советские и зарубежные исследователи проделали значительную работу по изучению истории войны, предприняли более или менее удачные попытки осуществить адекватную реконструкцию исторического прошлого.

Однако далеко не все аспекты истории Великой Отечественной войны получили сколько-нибудь достаточное освещение. К проблемам, все еще ждущим своего объективного исследователя, свободного от идеологических догм, стереотипов, не имеющих ничего общего с действительным положением вещей, смело можно отнести проблему военнопленных.

Как нам представляется, продвижение по пути к исторической истине возможно лишь посредством междисциплинарного подхода к этой проблеме, ибо она имеет свои военные, правовые, экономические, социально-психологические, этические и иные ракурсы. Кроме того, методологически важным моментом, во многом обуславливающим эффективность научного поиска, является рассмотрение названной темы в контексте всей истории человечества, ибо история цивилизаций — это и история войн, и, соответственно, история пленя.

Наиболее дискуссионными и, как следствие, наименее освещенными аспектами проблемы военнопленных являются:

разного рода количественные параметры (численность военнопленных с обеих воевавших сторон; смертность в плену — кстати, первые сводные статистические данные о количестве умерших в плену появились в поле зрения исследователей после гражданской войны в Соединенных Штатах Америки); условия и темпы обмена пленными, репатриации и т. д.

режим содержания и использования военнопленных (дислокация лагерей, организация питания, медицинское обслуживание, порядок использования на различных работах);

историко-правовой аспект проблемы, который включает в себя такие вопросы, как вопрос о том, распространялись ли на военнопленных (как с одной, так и с другой стороны) нормы международного права, соблюдались ли воюющими сторонами международные конвенции, чем характеризовался юридический статус попавших в плен и т. п.

Именно этим вопросам мы в той или иной мере постарались уделить внимание в настоящей работе, посвященной судьбе немецких военнопленных в СССР в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Однако заблуждением было бы считать, что рассматриваемая проблема представляет интерес лишь с точки зрения исторической ретроспекции, лишь как возможность оглянуться назад, перевернуть несколько успевших пожелтеть от времени страниц в книге памяти человечества. Проблеме этой, судя по всему, уготована непростая судьба, множеством зримых и незримых нитей связанная с реалиями сегодняшней жизни, с советско-германскими отношениями 90-х гг. ХХ столетия.

К примеру, актуален сегодня вопрос об уходе за воинскими могилами, в которых лежат погибшие и умершие в плену красноармейцы и солдаты вермахта. Один из активистов германской ветеранской организации Миллен Фритц, бывший офицер вооруженных сил гитлеровской Германии, а после окончания войны – военнопленный, находившийся в 1941–1948 гг. в лагерях военнопленных в Германии и СССР (под Череповцом), в интервью советскому журналисту, опубликованном на страницах «Комсомольской правды» /8 мая 1991 г./, сказал: «Я получаю письма от советских ветеранов войны, где люди спрашивают, а как будут после объединения Германии немцы относиться к могилам советских воинов, расположенным на немецкой земле. Ведь в некоторых странах Восточной Европы оскверняются и даже разрушаются памятники советским солдатам. Я отвечаю, что это наш долг – следить за надлежащим порядком, охранять и ухаживать за могилами русских в Германии.»

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, причем, факт отрадный, что Верховный Совет СССР ратифицировал подписанный М. Горбачевым и Г. Колем «Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ». В договоре есть специальная статья, в соответствии с которой германское правительство обязалось и впредь обеспечивать сохранность и уважительное отношение к сооруженным на немецкой земле памятникам советским жертвам войны и тирании. Это обязательство в полной мере относится и к советским военным кладбищам, за которыми будет осуществляться уход. Правительство же Советского Союза должно обеспечить доступ к могилам немцев на советской территории, их сохранность и уход за ними.

Если у германской стороны есть все возможности для выполнения названного договора, то нашей стране неизбежно придется столкнуться со многими трудностями как нравственного, так и материального свойства. Выше отмечалось, что в годы войны и после ее окончания неудовлетворительно велся учет немецких военнопленных, нарушался порядок оформления захоронений умерших в плену, в результате мы не в состоянии сегодня представить германской стороне полные и точные данные ни о судьбе десятков тысяч пленных, ни о местах многих захоронений на территории СССР. К сожале-

нию, удивляться этому не приходится — мы и к могилам собственных солдат, отдавших жизнь за Отечество, относимся твк плохо, как, наверное, нигде в мире. Да что уж говорить об уходе за могилами, если даже останки погибших воинов во многих местах боев до сих пор лежат не преданные земле! Взывают к совести народа останки бойцов Второй ударной армии в районе Мясного Бора, останки защитников Невского пятака под Ленинградом, и этот скорбный перечень можно продолжать и продолжать . . . Усилия же одиночек, лишенные поддержки государства, увы, не могут изменить общей удручающей картины.

Еще одной животрепещущей проблемой, которая теми или иными своими гранями поворачивается к народам стран—участниц второй мировой войны, является проблема установления судеб людей, родственники которых до сих пор не имеют сведений о своих близких, сгинувших на дорогах войны. В миллионах советских семей бережно хранится лишь единственный документ, проливающий свет на судьбу не вернувшегося с фронта отца, брата, сына . . . Это казенное извещение о том, что военнослужащий пропал без вести. И все. И никаких следов. Сегодня ясно одно — большинство пропавших без вести либо погибло (но смерть их не была зафиксирована), либо оказалось в плену. Перед многими немецкими семьями тоже стоит этот вопрос: какова судьба близких, яе вернувшихся с войны, и может быть даже более конкретно — из плена? Как уже отмечалось, по данным специальной комиссии ООН, остается пока неизвестной судьба 87353 германских военнослужащих, находившихся в советском плену. Их родственникам остается лишь гадать, где, когда, при каких обстоятельствах оборвалась жизнь близкого им человека. Поисковая работа, начатая в последние годы, в период подготовки настоящего издания и продолжающаяся в настоящий момент, надо полагать позволит уменьшить названную цифру. Можно приветствовать в этой связи инициативу преподавателей и студентов из группы «Поиск» Вологодского государственного педагогического института, которые приступили к работе над книгой «Милосердие». Издание это будет содержать около 60 тыс. имен и фамилий немецких военнопленных с указанием дат их смерти и мест погребения на Вологодской земле. Тем временем германская сторона уже передала Советскому Союзу списки 106 тыс. воинов Красной Армии, погибших в плену.

Таким образом, точки над «*i*» в ходе разработки рассматриваемой темы ставить пока рано. Проблема военнопленных по-прежнему остается одной из малоисследованных проблем войны, 50-летие начала которой мы недавно отметили. Дальнейший поиск, новые интерпретации уже казалось бы освоенного материала — вот задача, которую ставят перед собой авторы настоящего исследования. И в этом они видят свой профессиональный и нравственный долг.

Затекстовые библиографические ссылки

1. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М. 1960. С. 313.
2. См.: Дипломатический словарь. Т. 1. М. 1984. С. 374.
3. Старков О.Ю. Они не сдались // Военно-истор. журн. 1989. № 12. С. 84.
4. Известия. 1990. 19 февр.
5. Правда. 1985. 2 дек.
6. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 39–46; Он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Совет. государства // Совет. государство и право. 1990. № 4. С. 124–130; Он же Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-истор. журн. 1991. № 4. С. 66–78.
7. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkriegs. München. 1962–1974. Bd. 1–15.
8. Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. Herford. 1981.
9. Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee Freies Deutschland. Mainz. 1981.
10. См. напр.; Ржевеский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-истор. журн. 1978. № 10. С. 76–82.
11. Blank A. Die Deutschen Gefangen in der UdSSR. Köln. 1979.
12. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломат. конф. в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 5.
13. Архипелаг ГУЛАГ: глазами писателя и статистика. Беседа корреспондента с кандидатом истор. наук, старшим научным сотрудником Ин-та истории СССР АН СССР В. Н. Земсковым // Аргументы и факты. 1989. № 45.
14. См: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 38. Ст. 380. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны. «О лишении семей перебежчиков всех видов пособий, льгот и помощи, установленных для семей красноармейцев».
15. См.: Большая Советская Энциклопедия. М. 1928. Т. 12. С. 545.
16. См.: Военно-истор. журн. 1988. № 9. С. 28.
17. Цит. по: Борщев С. Н. От Невы до Эльбы. Л. 1973. С. 350.
18. Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками // Сб. материалов. Т. 3. М. 1958. С. 19, 20.
19. Цит. по: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М. 1967. С. 135.
20. Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М. 1964. С. 78, 79.
21. Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопр. истории. 1989. № 3. С. 38.
22. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками // Сб. материалов. Т. 5. М. 1960. С. 118, 119.
23. Верт А. Россия в войне. 1941–1945. М. 1967. С. 304.
24. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.11.Л.237.
25. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломат. конф. в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 10, 11.
26. Zayas A. Die Wehrmachtuntersuchungsstelle Unveröffentlichte Akten über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München. 1979. S. 273.
27. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопр. истории. 1990. № 12. С. 93.
28. Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 216.
29. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. М. 1985. С. 166.
30. Цит. по: Млечин Л. Цветы на забытых могилах // Новое время. 1991. № 16. С. 18.
31. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 43.

32. Черных Е. Уран почти не виден... Неизвестные страницы создания советского ядерного оружия // Комсомольская правда. 1991. 9 мая.
33. Архив ВММ МО СССР. Ф.1.Оп.35484.Д.142.Л.114.
34. Московские новости. 1989. 13 мая (В основу статьи «По ту сторону фронта» положены материалы доктора исторических наук М. И. Семиряги).
35. Bartsch M., Schebesch H-F., Scheppelmann R. Der Krieg im Osten, 1941—1945. Köln. 1981. S. 81.
36. Московские новости. 1989. 13 мая.
37. Зильберберг Л. Б., Лобастов О. С. и др. Потери медицинского состава войск в Великую Отечественную войну // Военно-медицинский журн. 1990. № 2. С. 21.
38. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.1.Л.54.
39. Самсонов А. М. Знать и помнить: диалог историка с читателем. М. 1989. С. 194.
40. Борщев С. Н. От Невы до Эльбы. Л. 1973. С. 414.
41. Архив ВММ МО СССР. Ф.1.Оп.35484.Д.142.Л.112.
42. ЦАМО. Ф.309.Оп.4092.Д.62.Л.58.
43. Архив ВММ МО СССР. Ф.1.Оп.35484.Д.142.Л.114.
44. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломат. конф. в Женеве 27 июля 1929 г. М. 1932. С. 14.
45. Архив ВММ МО СССР. Ф.1.Оп.35484.Д.142.Л.84.
46. ГАВО. Ф.1876.Оп.1.Д.142.Л.51.
47. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.223.Л.2.
48. Там же. Л.7.
49. Красная Звезда. 1990. 31 июля.
50. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939—1945 гг. М. 1985. С. 532.
51. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конф. руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.). Сб. документов. М. 1980. С. 260, 312, 339, 435, 464, 465.
52. Правда. 1955. 26 янв.
53. Архив ВММ МО СССР. Ф.39.Оп.69512.Д.3.Л.304.
54. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.6.Л.124.
55. Ошибочно датирует приведенное сообщение ТАСС 1955 г. энциклопедия «Великая Отечественная война» / Гл. ред. М. М. Козлов. М. 1985. См. с.157 указ. соч.
56. Правда. 1953. 23 авг.
57. Правда. 1953. 1 нояб.
58. Правда. 1955. 10 сент.
59. Правда. 1955. 11 сент.
60. Правда. 1955. 12 сент.
61. Там же.
62. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 39, 40.
63. Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международ. жизнь. 1990. № 5. С. 113.
64. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.7.Л.8.
65. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 40, 42.
66. Там же. С. 42.
67. Паротькин И. Великая битва под Сталинградом // Истор. журн. 1944. № 2. С. 13.
68. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939—1945. М. 1985. С. 234.
69. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 40.
70. Uhle-Wettler F. Hohepunkte und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz. 1984. S. 339.
71. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.446.Л.66.
72. Там же. Д.1.Л.21.
73. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 42, 43.

74. Отто Рюле. Исцеление в Елабуге. *Мемуары*. М. 1969. С. 173, 177.
75. Галицкий В. И. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 43.
76. Земсков В. И. К вопросу о депатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 32, 34.
77. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939–1945. М. 1955. С. 532.
78. Архив ВММ МО СССР. Ф.39.Оп.69512.Д.3.Л.46.
79. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939–1945. М. 1985. С. 500, 527.
80. Галицкий В. И. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-истор. журн. 1990. № 9. С. 41.
81. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.348.Л.18.
82. Там же. Л.446.
83. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-истор. журн. 1978. № 10. С. 77–78.
84. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.348.Л.18.
85. Там же. Л.442.
86. Там же.
87. См.: Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 117.
88. Филиев И. Ф. Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс свидетельствует // Военно-истор. журн. 1990. № 5. С. 52.
89. Цит. по: Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 132.
90. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.7.Л.38–39.
91. Там же. Д.3.Л.277,297.
92. Там же. Л.292.
93. Петерсхаген Р. Мятежная совесть. М. 1958. С. 104, 107–108.
94. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.3.Л.241.
95. Там же. Л. 69.
96. Там же. Л.221.
97. Пузырев Н. Н. Военнопленные генералы // Волга. 1981. № 4. С. 121.
98. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.3.Л.225.
99. Там же. Л.230.
100. Там же. Д.421.
101. Там же. Д.446.
102. Там же. Д.6.Л.115.
103. Цит. по: Оружием правды. М. 1971. С. 292–293.
104. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.6.Л.177.
105. Там же. Л.184.
106. Там же. Л.119.
107. Там же. Д.11.Л.277.
108. Там же. Д.6.Л.115.
109. Архив ВММ МО СССР. Ф.1.Оп.35484.Д.142.Л.114.
110. Там же. Л.207–208.
111. Там же. Л.1,2,4,5,7.
112. Смирнов Е. И. Война и военная медицина, 1939–1945 гг. М. 1979. С. 210.
113. Архив ВММ МО СССР. Ф.6.Оп.1.Д.85.Л.13,57,89,135.
114. Там же. Д.6.Л.199–200.
115. Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Медицинское обеспечение советских войск в Восточно-Прусской операции // Военно-медицин. журн. 1990. № 5. С. 53.
116. Архив ВММ МО СССР. Ф.39.Оп.69512.Д.3.Л.43.
117. Там же. Оп.8963.Д.13.Л.40.
118. Там же. Л.11–17.
119. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.6.Л.114.
120. ГАВО. Ф.1876.Оп.1.Д.122.Л.1.
121. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 119.
122. Кованов В. В. Солдаты бессмертия. М. 1986. С. 157.
123. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-истор. журн. 1978. № 10. С. 78.

124. ГАВО. Ф.1876.Оп.2.Д.128.Л.28.
125. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.9.Л.106.
126. ГАВО. Ф.1976.Оп.1.Д.141.Л.1.
127. Архив ВММ МО СССР. Ф.1799.Оп.70174.Д.14.Л.217об.
128. Там же. Л.230.
129. Войтенко М. Ф., Грибовская Г. А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5. С. 70.
130. Война. Факты, свидетельства // Диалог. 1990. № 7. С. 21.
131. Галицкий В. Н. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45.
132. ГАВО. Ф.1876.Оп.1.Д.122.Л.5.
133. Там же. Д.141.Л.7.
134. Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 121.
135. Отто Рюле. Исцеление в Елабуге. Мемуары. М. 1969. С. 185.
136. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 128.
137. Там же. С. 130–131.
138. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.1.Л.9.
139. Там же. Д.11.Л.15.
140. Там же. Д.1.Л.34–39.
141. Шванебах Б. Э. Руководство по немецкому переводу. Вып. 1. М. 1943. С. 4–5.
142. Там же. Д.6.Л.235.
143. Пузырев Н. И. Военнопленные генералы // Волга. 1981. № 4. С. 151.
144. Там же.
145. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 126–128.
146. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.1.Л.2.
147. Там же. Д.9.Л.6.
148. Там же. Д.122.Л.143.
149. Там же. Д.11.Л.14.
150. Там же. Д.1.Л.65–67.
151. Бланк А. С. Старый и новый фашизм: Политико-социологический очерк. М. 1982. С. 115–116.
152. Архив ВММ МО СССР. Ф.21.Оп.23.Д.46.Л.23.
153. ЛИА. Ф.25.Оп.10.Д.307-А.Л.82–83.
154. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 108–109.
155. Там же. С. 235.
156. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 93.
157. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 140, 235.
158. Правда. 1941. 15 ноября.
159. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 95.
160. Там же. С. 98, 99.
161. Там же. С. 182.
162. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М. 1990. С. 161.
163. Freies Deutschland. 1943. № 1.
164. Верт А. Россия в войне. 1941–1945. М. 1967. С. 532–533.
165. Вильгельм Адам. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М. 1967. С. 419.
166. Бурцев М. И. Прозрение. М. 1981. С. 193.
167. Архив УВД ВО. Ф.10.Оп.1.Д.1.Л.1.
168. Там же. Д.6.Л.67.
169. Там же. Л.65,66.
170. Там же. Д.11.Л.230.

Условные обозначения

Архив ВММ^М МО СССР — архив Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР.

Архив УВД ВО — архив Управления внутренних дел Вологодского облисполкома.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области.

ЛПА — Ленинградский партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС.

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
О международных конвенциях и человеческих судьбах	8
Нарушал ли СССР соглашения, защищающие права военнопленных?	12
Организация приема и эвакуация военнопленных	22
Быт и труд в лагерях для военнопленных	26
Медицинское обслуживание военнопленных	35
Оперативно-разыскная работа и осведомительная сеть в лагере для военнопленных	41
Использование пленных в спецпропаганде. Формирование антифашистского актива	46
Заключение	53
Затекстовые библиографические ссылки	56
Условные обозначения	60

Конасов Виктор Борисович,
Подольский Владислав Михайлович,
Терещук Андрей Васильевич

Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР

Редактор *Н. П. Петрова*

Обложка *Д. С. Зыкова*

Технический редактор *К. А. Семенова*

Корректор *М. В. Степанова*

Сдано в набор 02.12.91. Подписано в печать 17.02.92. Формат 60×90/16.
Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Печ. л. 3,75. Уч.-изд. л. 4,2. Работа 12178. Тираж 1000 экз. Заказ 350/364
Отпечатано в типографии НПП «Информтехника»

2500±